

Книга 2 из цикла «Безусловность»

РОЖДЕННАЯ ИЗ ТЬМЫ

И ГНЕВА

Мэй Торн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэй Торн

Безусловность. Рожденная из тьмы и гнева

<https://litres.ru/74006618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад он поверил, что она — предательница.

Три года назад его брат стал ее палачом.

Три года назад она заставила всех поверить, что умерла.

Теперь у нее новое лицо, чужое имя и один-единственный план: сделать так, чтобы братья Хоторн заплатили за все.

Вот только месть — плохой компас. А любовь, которую она похоронила вместе со своим прежним лицом, оказалась живее, чем она думала.

Темное городское фэнтези о мести, что выжигает душу дотла, о цене, которую платят за чужую ложь, и о девушке, слишком долго носившей маску, чтобы помнить, кто скрывается под ней.

Вторая книга серии.

Содержание

Николь	4
Часть 1	5
Глава 1. Коул	5
Глава 2. Коул	12
Глава 3. Коул	20
Глава 4. Коул	33
Глава 5. Коул	39
Глава 6. Коул	53
Глава 7. Эдриан	64
Глава 8. Эдриан	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Безусловность. Рожденная из тьмы и гнева

Николь

Настоящее время

Я думала, что буду мстить.

Долго, расчетливо, смакуя каждую секунду своего идеального плана. Каждая деталь моих игр была отточена до пугающего совершенства, каждый шаг — выверен до дюйма. Я обещала себе, что устрою для них грандиозный, безжалостный спектакль, а сама буду лишь наблюдать из темноты логи, теща свое сгоревшее сердце этой изощренной потехой. Я хотела видеть их сломанными. Хотела видеть, как они захлебываются в собственной паранойе, пока я дергаю за ниточки.

Но я ошиблась.

Я забыла, что самый опасный капкан — это тот, который ты строишь из собственной застарелой боли. Я думала, что Тьма выжгла во мне всё человеческое, оставив лишь холодный разум и жажду расплаты.

Я думала, что поймала их. Но в итоге... в ловушку попала я сама...

Часть 1

Глава 1. Коул

Холодный воздух обжигает легкие, царапая горло, как толченое стекло.

Я бегу. Вокруг только бесконечный, враждебный лес. Ветки хлещут по лицу, корни так и норовят вывернуться из-под земли, чтобы переломать мне ноги, но я не сбавляю шаг. Я не один. Я знаю это абсолютно точно, потому что мои пальцы намертво, до побелевших костяшек, сжимают чужую ладонь.

Чью?

Пытаюсь повернуть голову на бегу, чтобы рассмотреть ее, но не могу. Лицо скрыто в какой-то неестественной, пульсирующей тени, будто у меня внезапно расфокусировалось зрение. Но это неважно. Сейчас важно только одно — бежать. Прямо, не оглядываясь.

В груди колотится липкий, первобытный страх. И самое странное — я боюсь не за себя. Если бы я был один, я бы остановился и принял бой, кто бы за нами ни гнался. Но этот страх... он за нее.

— Коул!

Ее голос. Звонящий, сорванный от нехватки кислорода. Он бьет меня прямо под дых, заставляя сердце пропустить

удар. Я поворачиваю голову, но снова вижу лишь размытый, ускользающий силуэт.

— Коул, я больше не могу! — хрипит она, спотыкаясь.

— Останавливаться нельзя, понимаешь? — рычу я сквозь зубы.

Зачем я это сказал? Почему мы бежим? За нами кто-то гонится? Я не знаю ответов, но инстинкт вопит благим матом: если мы остановимся, случится что-то непоправимое.

Внезапно моя правая рука дергается с такой силой, что чуть не выскакивает из сустава. Девушка падает.

Я резко торможу, разворачиваюсь, поднимая тучи сухой земли. Падаю на колени рядом с ней, пытаюсь поднять, закинуть ее руку себе на плечо, но вижу, что она абсолютно без сил. Она словно сломанная кукла.

— Уходи, — тяжело дыша, шепчет она. Тень на ее лице не дает мне прочесть эмоции, но в голосе звучит обреченность. — Уходи без меня, Коул.

Меня накрывает такая глухая ярость, что темнеет в глазах.

— Нет. Ни за что. Это даже не обсуждается, слышишь! — рычу я, вцепляясь в ее плечи.

Паника сжимает горло железными тисками. Я должен её защитить. Это не просто желание — это какая-то базовая, прошитая в подкорке необходимость. Решаю, что просто закину её на спину и понесу. Я вытащу нас обоих.

Я наклоняюсь, чтобы подхватить её, но она вдруг резко, неестественно отскакивает назад.

Что за черт?

— Коул!

Она кричит так пронзительно, что у меня закладывает уши. Я вижу, как невидимая безжалостная сила вцепляется в нее и тащит по земле назад, во тьму леса.

— Нет! — я бросаюсь за ней, вспахивая коленями грязь.

Я прыгаю, вытягивая руки, пытаюсь ухватиться хоть за что-то. Мои пальцы

скользят по земле, сдирая кожу в кровь. Расстояние между нами увеличивается. Я не могу до нее дотянуться! Как бы быстро я ни полз, эта тьма быстрее.

Падаю на живот, вытягиваюсь в струну, делая последний, отчаянный рывок. Мои пальцы намертво смыкаются на ее запястье.

Есть!

Я впиваюсь в землю свободной рукой, упираюсь ботинками в корни, напрягая каждую мышцу так, что, кажется, сейчас треснут кости. Я смогу ее вытащить. Обязательно смогу. Иначе просто не может быть!

— Держись! — кричу я, сжимая ее тонкое запястье.

Но сила по ту сторону не ослабевает. Она дергает так резко, что мои пальцы соскальзывают с ее кожи.

— А-а-а! — ее крик, полный боли и ужаса, разрывает лес пополам.

Ее рука выскальзывает из моей. Она исчезает во мраке.

И тут я просыпаюсь.

Резко, с судорожным вдохом, сажусь на скрипучем матрасе. Легкие горят, будто я и правда только что пробежал кросс. По спине градом катится ледяной пот, футболка насквозь мокрая и липнет к телу.

Моя рука инстинктивно взлетает к груди, сжимая серебряный кулон-шип. Металл под пальцами неестественно холодный — такой ледяной, что почти обжигает кожу.

Я пытаюсь выровнять дыхание, бессмысленно глядя в дешёвые обои ободранного мотельного номера. Перед глазами всё ещё стоит этот размытый силуэт и звенит её крик.

— Доброе утро, спящая красавица.

Голос сбоку заставляет меня вздрогнуть и сфокусировать взгляд. Эдриан.

Он сидит в продавленном кресле у окна, закинув ноги на журнальный столик. На коленях — неизменный открытый ноутбук, лицо освещено тусклым светом экрана. Под глазами брата залегли тени, такие черные, что кажутся нарисованными. Вся его поза выражает ледяное, саркастичное безразличие.

— Ко... который час? — выдавливаю я. Горло пересохло настолько, что слова скрежещут, как наждачка.

— Одиннадцать, — Эдриан на секунду отрывает взгляд от монитора и смотрит на меня. Уголок его губ дергается в холодной ухмылке. — Что, тяжелая ночка?

Я сглатываю вязкую слюну, отпуская кулон на груди. Металл всё ещё холодит кожу.

— Да, — бросаю я хрипло, откидываясь обратно на подушку и закрывая глаза. — Типа того...

Сбрасываю ноги с кровати. Пол холодный и липкий. Обычный дешевый мотель на окраине очередного безымянного города, где мы остановились на пару ночей. Я поднимаюсь и, не говоря больше ни слова, иду в ванную.

Включаю ледяную воду. Бью ей по лицу, смывая липкий пот и остатки ночного кошмара. Опираюсь руками о края раковины и смотрю на свое отражение в зеркале. Вытираю лицо полотенцем, натягиваю чистую черную футболку поверх кулона и выхожу обратно в комнату.

Эдриан всё в той же позе. Он вообще спал?

Я подхожу к небольшому столу, где лежит разобранный «Глок». Привычным, выверенным движением начинаю собирать оружие. Щелчок затвора действует успокаивающе.

— Что нарыл за ночь? — спрашиваю я, не глядя на брата. Проверяю магазин. Полный.

Эдриан шумно выдыхает и трет переносицу.

— Взломал внутренний сервер транспортной компании, которая служит ширмой для финансов Ордена, — его пальцы снова начинают быстро стучать по клавиатуре. — Я перевел нам на счет еще тридцать тысяч с их резервного фонда. На ближайшие пару месяцев хватит. Но это не главное.

Я замираю, убирая пистолет в кобуру. Тон Эдриана изменился. Стал слишком напряженным.

— Я нашел отчет одной из Ищеек, Коул, — Эдриан раз-

ворачивает ноутбук ко мне экраном. На нем какие-то карты, графики и столбцы цифр, в которых я ни черта не смыслю. — Орден зафиксировал всплеск энергии три дня назад. И они отправили туда чистильщиков.

— И что в этом такого? — хмурюсь я. — Очередной сектант балуется магией?

— Нет. Посмотри на сигнатуру.

Эдриан смотрит на меня снизу вверх, и в его глазах блещит лихорадочная смесь надежды и ужаса.

— Коул, частота совпадает с нашими старыми замерами. Это артефакт. Артефакт отца.

Повисает тишина. С улицы слышится гудок проезжающей фуры, но мне кажется, что в ушах звенит.

— То есть как так? — я подхожу ближе, упираясь руками в спинку его стула. — Дом взлетел на воздух три года назад. Мы с тобой все проверили. Артефакт должен был быть уничтожен вместе с Сарой и...

— Ну, Орден считает иначе, — Эдриан резко перебивает меня, не дав произнести ее имя.

Он утыкается в монитор, но я вижу, как напряглись его плечи. За три года ее имя превратилось для нас в негласное табу. Кровоточащую рану, которую мы оба предпочитаем не трогать. Чувство вины сжирает брата не меньше, чем меня, даже если он отчаянно пытается спрятать его за строчками кода.

Я стараюсь игнорировать неприятное чувство в животе и

вину, которая настойчиво скребется где-то на задворках сознания, а Эдриан торопливо продолжает:

— Он «фонит», Коул. И судя по координатам Ордена... эта энергия перемещается. Кто-то унес его оттуда. И Орден идет по следу.

— Думаешь, отец знает об этом? — хмурюсь я.

— Не знаю, но нам точно надо найти того, кто забрал артефакт раньше Ордена.

Я стискиваю зубы так, что сводит челюсть. Если артефакт уцелел, значит, вся эта гребаная война еще не закончена. А тот, у кого сейчас артефакт, знает, что произошло в ту ночь. И если мы с братом доберемся до него быстрее Ордена... возможно, мы выьем из него информацию и об отце. А потом я сверну ему шею.

Глава 2. Коул

Погоня за этим призрачным сигналом сожрала у нас почти три недели.

Мы пересекли половину страны, меняя мотели, машины и поддельные номера, пока координаты Ордена не привели нас в Бостон. И здесь след оборвался. Словно артефакт провалился сквозь землю. Три дня мы торчали в очередной дыре. Эдриан не спал, сливаясь с ноутбуком в единый организм, взламывая городские камеры и сети, а я... я сходил с ума от бездействия. Мои руки чесались пустить кому-нибудь кровь.

Поэтому, когда Эдриан в десятый раз за утро раздраженно потер глаза и хрипло сообщил, что в радиусе десяти миль нет никаких аномалий, я молча накинул куртку и вышел на улицу. Мне нужен был дрянной кофе. И воздух, в котором не пахло бы отчаянием моего брата.

Город встретил меня мелким, колючим дождем. Я шагал по серому тротуару, засунув руки в карманы и машинально сканируя толпу. Привычка. Оценивать угрозу, искать Ишек, вычислять пути отхода.

Я как раз свернул в узкий переулок между двумя высотками, сокращая путь к кофейне, когда услышал это.

Резкий вскрик. Звук рвущейся ткани и глухой удар.

Я мгновенно останавливаюсь, инстинкты взводятся, как курок «Глока». Метрах в двадцати впереди, возле кирпич-

ной стены, какой-то ублюдок в серой толстовке грубо дергает на себя женскую сумку. Девушка сопротивляется, но парень бьет ее наотмашь по руке и, вырвав добычу, срывается с места, направляясь прямо в мою сторону.

Кровь бросается в голову. Наконец-то. Хоть какая-то понятная цель.

Я даже не достаю оружие. Делаю шаг в сторону, перекрывая ему путь, и когда он оказывается достаточно близко, просто бью. Жестко, выверенно, без лишних эмоций. Мой ботинок впечатывается ему в коленную чашечку с тошнотворным хрустом. Парень вопит, заваливаясь вперед. Я перехватываю его за капюшон, с размаху прикладываю лицом о кирпичную стену и бью под дых.

Он оседает на мокрый асфальт, скуля и харкая кровью. Сумка падает к моим ногам.

— Еще раз увижу — руки переломаю, — ровным, ледяным тоном обещаю я.

Ублюдок не отвечает, только судорожно ползет прочь, волоча ушибленную ногу, пока не скрывается за поворотом.

Я медленно выдыхаю, чувствуя, как напряжение последних дней немного отпускает. Наклоняюсь, поднимаю с асфальта дорогую кожаную сумку и отряхиваю ее от грязи. Затем поворачиваюсь к пострадавшей.

— Не ходили бы вы в таких местах с такой дорогой сумочкой, в этих переулках...

Слова застревают у меня в горле.

Девушка стоит, прислонившись к стене, и поправляет воротник красного, явно дизайнерского пальто. У нее прямые, длинные черные волосы, рассыпанные по плечам. На лице читается легкая паника, которую она изо всех сил старается скрыть, хотя держится она довольно спокойно.

А взгляд... Не могу понять, что это, но меня вдруг накрывает легкое чувство дежавю, будто я уже видел эти глаза где-то... Но где? Тряхнув головой, отгоняю нелепую мысль. Таковую красотку я бы точно запомнил.

Девушка спокойно протягивает руку в черной кожаной перчатке и забирает у меня сумку.

— Спасибо, но я бы и сама справилась, — произносит она. Ее голос звучит немного холодно, но в то же время мягко — собранно и очень приятно.

— Хотя, это было... эффектно.

— Эффектно? — ухмыляюсь я. — Да если бы не я, этот торчок давно бы уже сбежал с вашими деньгами. А вообще, вам бы не помешало выучить пару базовых приемов по самообороне, — бросаю я, подходя чуть ближе.

Девушка смотрит на меня, внимательно изучая, а потом говорит, чуть улыбаясь:

— Да неужели? Дайте угадаю, вы знаете место, где меня научат?

Она ухмыляется, но во взгляде нет издевки, это нечто другое, словно она просто с любопытством присматривается ко мне.

— Вообще-то, я имел в виду провести для вас индивидуальные уроки... — я растягиваю губы в улыбке, прекрасно понимая, как двусмысленно это прозвучало.

— Серьезно? — она окидывает меня долгим взглядом, в котором теперь явно читается скептицизм. Повисает напряженная пауза. — А-а, я поняла... Скажите, и часто этот прием срабатывает?

Я смотрю на нее, искренне не понимая, к чему она клонит.

— Вы о чем, леди?

— Ну как же. Это ведь на самом деле ваш напарник, верно? Один притворяется воришкой, эдаким плохим парнем, второй спасает ничего не подозревающую невинную девушку, а потом что? Предлагаете подвезти до дома и насилуете?

Ее дыхание заметно учащается, она явно начинает нервничать и делает осторожный шаг назад, отстраняясь.

Блин, какого хрена? Помимо того, что она правда красивая девушка, есть в ней что-то притягательное, но я ведь всего лишь хотел с ней немного пофлиртовать! А там, может быть, слово за слово, угостить выпивкой и переспать, *если мы оба этого захотим*. Но всё идет куда-то совсем не туда.

— Послушайте, не знаю, почему вы так решили, но я вообще не из таких парней, — серьезно отвечаю я, делая шаг назад, чтобы дать ей пространство. — Я терпеть не могу подобных уродов, как этот нарик. И вообще, я уважаю женщин. Я бы никогда не опустился до такого уровня, чтобы заставлять девушку со мной переспать. Обычно как раз таки на-

оборот, знаете ли.

Я не удерживаюсь и подмигиваю ей, возвращая разговору неформальный тон.

— Ха-ха, какой самоуверенный... — ухмыляется она, но легкая неуверенность и сдержанность всё еще остаются при ней.

Блин, как же ее убедить, что я не маньяк?

Я тяжело вздыхаю, делаю один шаг назад, поднимаю ладони в примирительном жесте.

— Леди, я, конечно, люблю женское внимание, но предпочитаю, когда девушки сами хотят затащить меня в постель. А насилие — это для ублюдков вроде того, что сейчас харкает кровью в луже. Так что расслабьтесь, я не из этих.

Она молчит, внимательно вглядываясь в мое лицо. Ищет подвох, но его нет. Наконец, напряжение в ее плечах спадает. Она выдыхает, и на ее лице появляется легкая, уже менее защитная улыбка.

— Ладно, хорошо. Я вам верю. И что теперь? — говорит она, и тон ее звучит предельно убедительно, хотя в глазах уже нет того настороженного холода.

Я лишь молча ухмыляюсь.

— Серьезно? — она слегка щурится. — Вы настолько самоуверенны, что даже вслух сказать не хотите?

— Я вообще-то ничего не говорил.

— А и не надо. По вашему лицу всё написано, — парирует девушка, поправляя ремешок сумочки. — Я не буду с вами

спать.

Я хмыкаю. Черт, а она действительно интересная. Большинство девушек на ее месте уже давно либо сбежали бы, либо таяли от благодарности. А эта стоит, прислонившись к кирпичной стене, словно это я тут потенциальная жертва, а не она.

Она делает короткий вдох, принимая какое-то решение.

— Так... Я буду в этом городе некоторое время, и, допустим, я бы согласилась на пару уроков самообороны, если вы говорили серьезно. Что вы хотите взамен?

Я широко улыбаюсь, так как первая мысль — самая очевидная, и она, судя по всему, читается у меня на лице еще до того, как я успеваю открыть рот.

— Не *это!* — тут же обрывает она чуть громче, и ее глаза смешно расширяются.

Я развожу руками, изображая оскорбленную невинность.

— Я же ничего не сказал.

— Вам и не нужно.

— Нууу... — тяну я, склонив голову и делая вид, что серьезно задумался. — Даже не знаю. Вариантов-то не так много.

— Совсем нет?

— Совсем.

— Хорошо, — говорит она, спустя некоторое время, будто приняв решение. — Я всё равно собиралась заказать еды. Как вы смотрите на обед?

Я моргаю.

— Обед? Где? У вас?

— А что, боитесь?

— Может, мне и правда стоит теперь вас бояться, — я приподнимаю бровь. — Заманите меня к себе домой, а потом...

— И что же я, по-вашему, сделаю? — она чуть округляет глаза, и в голосе появляется такая нарочитая невинность, что я едва не давлюсь смешком.

— Не знаю. Но, знаете, я готов рискнуть.

Секунду мы просто смотрим друг на друга. У нее в уголках губ дрожит улыбка, которую она упорно пытается сдерживать, а у меня почему-то вдруг становится легче дышать. Первый раз за последние... черт знает, сколько.

— Ладно, — я пожимаю плечами, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно. — Обед так обед. Но учтите, я много ем.

— Переживу.

— И я не ем брокколи.

— А вот это уже ваши проблемы.

Она отталкивается от стены плавным, уверенным движением, и только сейчас я замечаю, какая она невысокая. Макушка едва достает мне до плеча. Что, впрочем, не мешает ей смотреть на меня так, будто это она решает, идти мне за ней или нет.

— Кстати, — она протягивает руку в черной перчатке. — Эйприл.

— Коул.

Я пожимаю ее тонкие пальцы. Даже через кожу ладонь кажется прохладной, но на улице сыро, так что ничего удивительного. Серебряный шип под футболкой на секунду словно холодит кожу сильнее обычного — я хмурюсь, но уже в следующий миг отпускаю ее руку, и ощущение проходит.

Показалось. Три недели без нормального сна — и уже мерещится всякое.

— Так что, — я киваю в сторону выхода из переулка, — заказываем или идем в магазин?

— Закажем. — Она уже достает из сумки телефон — последняя модель, в темно-бордовом чехле. — DoorDash сюда везет за двадцать минут. Есть аллергии, предпочтения?

— Мясо. Много мяса.

— Логично, — бормочет она, быстро тыкая в экран. — Идемте. Это недалеко.

Глава 3. Коул

«Недалеко» оказывается кварталах в пятнадцати, в тихом районе с аккуратными деревьями по обочинам и рядами одинаковых кирпичных таунхаусов. Ее — крайний в ряду, трехэтажный, с черной лакированной дверью и медным номером «47». Внутри пахнет чем-то едва уловимым — то ли цитрусом, то ли свежим бельем.

Я машинально сканирую пространство, как делаю всегда в незнакомом месте. Открытая планировка первого этажа: слева кухня с белым мраморным островом, справа — гостиная с низким серым диваном и огромным, во всю стену, окном. Никаких семейных фотографий. Никаких личных вещей. Стеллаж с книгами, но все корешки выглядят новыми, словно их купили оптом для антуража. Пара минималистичных картин на стенах — абстракция, ни о чем. Лестница наверх. Две двери на первом этаже — вероятно, санузел и кладовка.

Место выглядит дорого, стерильно и безлико. Как гостиничный номер люкс. Или как квартира, в которой человек живет недолго и не собирается оставаться.

Я запоминаю планировку и два возможных выхода — парадная дверь и панорамное окно в гостиной.

— Можете оставить куртку здесь. — Она кивает на вешалку у входа. — Располагайтесь.

Я вешаю куртку, но кобуру под ней, естественно, не трогаю. Прохожу в гостиную, опускаюсь на край дивана. Отсюда хорошо просматривается и дверь, и кухня.

Эйприл снимает пальто — под ним черный свитер и темные джинсы, — и идет на кухню, открывает двухстворчатый холодильник.

Она замирает на несколько секунд, изучая содержимое полок, а затем вытаскивает наружу два внушительных куска мяса и упаковку спаржи.

— Я отменила заказ, пока мы шли, — говорит она, бросая продукты на мраморный остров. — Решила, что стейки из пластиковых контейнеров — это преступление против хорошего обеда. Тем более у меня всё есть.

Я скептически выгибаю бровь, оглядывая ее идеальную укладку, дорогой тонкий свитер и аккуратные руки.

— Я думал, богатые девушки в дизайнерских пальто не умеют включать плиту, — мысль вырывается быстрее, чем я успеваю её обдумать.

Эйприл оборачивается и ухмыляется. Достает с полки тяжелую чугунную сковороду — так легко, будто в ней не пять килограммов.

— А я думала, уличные драчуны не разбираются в дизайнерских пальто.

Туше.

— Отдыхайте, Коул. Можете включить телевизор, пульт на столе. Я быстро.

Я не спорю. Нахожу пульт, включаю какой-то спортивный канал просто ради фонового шума, а сам откидываюсь на спинку дивана и наблюдаю за ней.

Она двигается по кухне уверенно и плавно. Без суеты. То, как она ловко обращается с ножом, нарезаая чеснок и розмарин, говорит о том, что готовка для нее — дело привычное. Стерильная, холодная атмосфера дома начинает таять, наполняясь запахами жарящегося мяса, специй и уюта.

Это странно. Мы знакомы всего ничего, наша встреча началась с попытки ограбления и взаимного недоверия, а сейчас мне на удивление спокойно. Как будто этот диван, эта кухня и эта девушка — часть какой-то правильной, но давно забытой реальности. Словно мы не случайные знакомые. Рядом с ней чертовски комфортно — редкое чувство, которое я почти ни с кем не испытывал.

И именно поэтому внутри загорается тревожная лампочка. Мне это не нравится.

Я давно усвоил правило: не подпускать к себе людей слишком близко. Мой образ жизни не подразумевает серьезных отношений, а «семья» — это вообще слово из чужого словаря. Какой смысл привязывать к себе человека, если каждый день я хожу по краю и могу просто не вернуться домой?

Оставить всё это и зажить обычной жизнью? Нет. Я пробовал. Честно пытался стать «нормальным». Крутил гайки в засаленной автомастерской, глотал пыль, подрабатывая на

стройках. Но кого я обманывал? Рано или поздно я всегда возвращался к тому, что умею лучше всего. К риску, к тени.

Да и не смогу я спать спокойно, пока не выясню, куда исчез отец. И пока не узнаю, что на самом деле произошло в ту ночь, когда мне было пять.

Пальцы машинально тянутся к груди, нащупывая под футболкой твердый металл кулона. Я до сих пор помню лихорадочный блеск в маминых глазах, когда она застегивала его на моей детской шее. *«Спрячь, Коул. Никому не показывай и никогда не снимай»*, — ее голос дрожал, но руки были твердыми и уверенными. Она закрыла за нами дверь, добровольно оставаясь в пустом доме. Осталась ждать «Ищек», которые пришли за ней, чтобы дать отцу, мне и Эдриану шанс спастись.

Я моргаю, прогоняя тяжелые тени прошлого, и снова фокусирую взгляд на Эйприл. Она чуть склонила голову, полностью поглощенная готовкой, совершенно не подозревая о том, какие мрачные мысли сейчас крутятся в моей голове.

Спустя минут десять я поднимаюсь с дивана и подхожу к кухонному острову. Оглядываю кухню. На столешнице у плиты — аккуратный ряд: весы, мерный стакан, контейнеры с чем-то, похожим на разложенные порции. На холодильнике — магнит с расписанием: столбики времени, пометки. Разглядеть не успеваю.

— Вы живете как спортсменка на сборах, — говорю я, опираясь предплечьями на прохладный мрамор. — Весы,

порции, режим. В шесть утра пробежка, да?

Она перестает помешивать что-то в сковороде и поднимает на меня взгляд. В нем — секундная заминка, будто я попал куда-то, куда не должен был. Будто заглянул за фасад этого идеального дома.

— В пять.

— Серьезно?

— Это помогает, — она пожимает плечом. — Когда в голове слишком много всего, тело должно быть занято.

Я знаю это чувство слишком хорошо. Настолько хорошо, что ее слова отзываются где-то под ребрами глухим, знакомым эхом. Загнать себя до изнеможения, чтобы ночью спать без сновидений.

— И много у вас всего в голове, Эйприл? — спрашиваю я. Мой голос звучит тише, чем обычно.

Она смотрит на меня. Долго. Ровно.

— Достаточно.

Какое-то время мы просто молчим, разделенные только кухонным островом. Воздух между нами кажется плотнее, словно мы только что без слов признались друг другу в чем-то важном.

Затем она слегка моргает, стряхивая это секундное оцепенение, и переводит взгляд на плиту. Берет деревянную лопатку, подцепляет на краешек немного соуса и протягивает мне через столешницу.

— Попробуйте, Коул. Нужно еще соли или достаточно?

Я послушно пробую, не сводя с нее глаз.

— Идеально, — честно отвечаю я.

Она довольно улыбается, и в ее глазах снова мелькает теплая искорка.

Мой взгляд снова цепляется за стеллаж в гостиной, забитый книгами от пола до потолка. Корешки ровные, идеальные.

— У вас много книг, однако, — говорю я через плечо. — Осталось от бывших жильцов?

— Вообще-то они мои, — не отвлекаясь от готовки, отвечает Эйприл.

— Да конечно. — Я фыркаю и скептически поднимаю бровь. Подхожу к стеллажу, изучаю корешки чуть ближе. — Хотите сказать, что прочитали их все? Да вам от силы года двадцать два — двадцать три. Не могли вы за столь юный возраст их все прочитать.

— Ну, смею вас расстроить, но да. — Она переворачивает спаржу. — Я люблю читать, и здесь только то, что я уже прочитала. Остальное лежит в коробках на складе или осталось в прошлых домах. Я часто переезжаю — по работе. Таскать с собой всё было бы безумием.

— И вы оставляете книги в чужих домах?

— Иногда. Хорошие книги должны жить в домах, не в коробках.

Звучит красиво. Слишком красиво.

— Ну не-е-ет... — тяну я, проводя пальцем по полке. —

Я думаю, что вы со мной нечестны, Эйприл. Эти книги выглядят так, будто стоят здесь исключительно для заполнения пространства. Эдакий хитрый дизайнерский ход, чтобы создать определенный образ глубокомысленной хозяйки дома.

Я провожу пальцем по корешкам — и беру наугад две довольно пухлые книги: «Цель» Элияху Голдратта. И «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд.

Она наконец полностью отвлекается от плиты. Поворачивается ко мне, скрестив руки на груди, и смотрит с вызовом.

— Да? И какой же образ я пытаюсь создать, по-вашему?

— Хотел бы я знать... — бормочу себе под нос.

Не отвечая на её вопрос, задаю свой:

— То есть вы их все прочитали и можете рассказать мне, о чём они?

— Могу, — всё тем же ровным тоном отвечает она.

— Хорошо, давайте так. Я открываю любую страницу наугад, читаю начало предложения, а вы продолжаете. Как вам? Раз вы говорите, что читали их от корки до корки, для вас это не составит труда, верно?

Я не верю ей. Совершенно не верю. Но где-то внутри уже просыпается азарт — тот самый, который обычно заводится перед хорошей дракой. Только сейчас драка — словесная, и противник — красивая девушка в свитере с закатанными рукавами, пахнущая чесноком и розмарином.

Она лишь пожимает плечами, уголки ее губ едва заметно вздрагивают в улыбке. — Без проблем. Спрашивайте, Коул.

Она спокойно возвращается к мясу, а я усмехаюсь про себя. Ну сейчас мы выведем тебя на чистую воду. Открываю «Цель» где-то на середине, пробегаюсь глазами по строчкам и зачитываю:

— «Бутылочное горлышко — это любой ресурс, чья пропускная способность равна или...»

— «...меньше потребности в нём», — не оборачиваясь, заканчивает Эйприл. — «А небутылочное горлышко — любой ресурс, чья мощность больше потребности. Не путайте бутылочное горлышко с дефицитной мощностью, Коул, это разные вещи».

Последнее она добавляет от себя, через плечо, и я слышу, как она усмехается.

Я стою в ступоре несколько секунд.

Ладно. Совпадение. Может, это какая-то хрестоматийная цитата, её на семинарах по менеджменту наизусть учат. Я перелистываю страниц на сорок дальше. Нахожу другое предложение — длинное, неудобное, про статистические колебания.

— «Если бы статистические колебания всегда уравнивались сами собой...»

— «...то в системе зависимых событий не было бы необходимости в защитных мощностях. Но они не уравниваются. Поэтому либо у вас есть защитные мощности, либо у вас постоянно горят сроки. Третьего, Коул, не дано».

Она переворачивает второй стейк. Не оборачивается. Ло-

патка стучит по сковороде ровно, спокойно, в каком-то её собственном ритме.

Я закрываю книгу и кладу её на мраморный остров. Твою мать. Это было круто.

— Ну-у, это было *эффектно*, — парирую я словом, которым она недавно описала мою драку в переулке. — Ладно, давайте другую книгу.

— Не можете признать, что снова недооценили меня, Коул? — усмехается Эйприл.

Ну уж нет. Это я так не оставлю. Возможно, это просто ее любимая книга, зачитанная до дыр. Я откладываю Голдратта и беру тяжеленный том «Атланта». Открываю ближе к концу, выбираю абзац посложнее.

— «Клянусь своей жизнью и любовью к ней...» — начинаю я. — «...что никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу другого человека жить ради меня», — ее голос звучит четко, с идеальной интонацией, словно она читает это прямо сейчас с невидимого телесуфлера.

— Твою же... — у меня буквально нет слов. Выдыхаю, качая головой. — Ладно. Вы меня уели, леди. Я впечатлен. Серьезно впечатлен.

Девушка удивляет меня всё больше и больше.

— Рада, что произвела на вас впечатление, — отвечает Эйприл своим привычным спокойным тоном. Кажется, эта проверка ее только позабавила. — А теперь, если позволите, я бы хотела закончить с обедом. Стейкам нужно отдохнуть

пять минут, иначе весь сок вытечет, и весь мой выпендрёж был зря.

Я смеюсь. Она забавная.

Я прислоняюсь плечом к стеллажу, не сводя с нее глаз. За красивым фасадом и дорогим пальто скрывается что-то чертовски нетипичное.

— И чем же занимается девушка, которая переезжает из дома в дом и держит в голове целые библиотеки? — спрашиваю я, уже без всякого скепсиса. Мне действительно интересно.

— Элитной недвижимостью, — Эйприл снимает сковороду с огня. — Покупка, реновация, продажа. Я нахожу запущенные объекты с потенциалом, привожу их в идеальный вид и продаю людям, у которых слишком много денег и слишком мало вкуса. Это требует постоянных переездов и умения анализировать огромные массивы данных. Рынок, архитектура, психология покупателя. Книжки — это способ всегда быть на шаг впереди. Ну и моя личная слабость, — добавляет она с легкой усмешкой.

Я смотрю на нее, и перед глазами вдруг возникает лицо Эдриана. Мой брат — гений кода и цифр, но мало кто знает, что за этим фасадом скрывается настоящий книжный маньяк. Внезапный укол вины царапает грудь: я торчу здесь, в тепле и с идеальным обедом, пока он сходит с ума в дешевом мотеле, пытаюсь найти след артефакта.

— Что такое? — голос Эйприл вырывает меня из мыс-

лей. Она смотрит на меня внимательно, чуть склонив голову. Уловила перемену в моем лице в ту же секунду. Чертовски наблюдательная.

— Да нет, всё в порядке. Просто... вы напомнили мне кое-кого. — Я качаю головой. — Мой брат тоже может говорить о книгах с такой же одержимостью. Открой ему рот — и он три часа будет рассказывать тебе, почему Достоевский переоценён, а какой-нибудь немецкий философ, имени которого ты никогда не слышал, недооценён. Теперь, кажется, таких людей в моём окружении двое.

Эйприл лишь слегка улыбается уголками губ и не пытается допытываться, где сейчас этот брат и почему я вдруг помрачнел. За это я ей благодарен.

— Мясо готово, — она ставит на остров две тарелки. — Присаживайтесь, Коул. Посмотрим, сможете ли вы теперь удивить меня своим аппетитом.

Кухня наполнилась запахом, от которого у меня буквально сводит желудок. Я и забыл, когда в последний раз ел нормальную еду. Обычно это перехваченный на ходу фастфуд из окна машины или засохшие сэндвичи с заправки. Да и если честно, я вообще не помню, когда в последний раз кто-то готовил *для меня*. Теплая еда, приготовленная чужими руками, — это роскошь, которую я давно вычеркнул из своей жизни.

Мы устраиваемся прямо за мраморным островом, сидя на высоких барных стульях. Стейки оказываются именно таки-

ми, как надо — с кровью, сочные, с легким привкусом розмарина и чеснока. Как я и обещал, ем я много и с аппетитом. Мы перебрасываемся лишь короткими фразами — мне не хочется портить момент.

— Итак, самооборона, — произносит Эйприл, отодвигая пустую тарелку и обхватывая ладонями стакан с водой. — Когда начнем?

— Можем завтра, — пожимаю я плечами. — Вопрос в том, где. Я знаю пару залов в городе, но они... скажем так, не для слабонервных. Подвалы, запах застарелого пота, ринги в пятнах крови, которые уже не отмываются. Вам там вряд ли понравится.

Она задумчиво ведет пальцем по краю стакана.

— Зачем куда-то ехать? Можем заниматься здесь.

Я скептически оглядываю ее гостиную.

— Будем ломать вашу дизайнерскую мебель?

— Нет, — она ухмыляется. — На втором этаже есть просторная комната. Я сняла этот дом отчасти из-за нее. Там почти пусто, лежит спортивное покрытие и даже висит тяжелая боксерская груша от прошлых жильцов. Места хватит.

Я прищуриваюсь, внимательно глядя на нее.

— То есть выпустите малознакомого парня с улицы к себе на второй этаж? А как же «я не буду с вами спать» и подозрения, что я заодно с грабителем?

Она усмехается, слегка склонив голову вбок, и в ее глазах появляется дерзкая уверенность.

— Вы же сами сказали, что предпочитаете, когда девушки по собственной воле тащат вас в постель, — парирует она с легкой иронией. — А так как у меня подобных планов нет, вам придется вести себя прилично. Ну а если всё-таки решите выкинуть что-то глупое... что ж, чугунная сковородка всегда под рукой, а вы видели, какая она тяжелая.

— Резонно, — хмыкаю я. Ловлю себя на том, что внутри почему-то разливается приятное предвкушение от мысли, что завтра я снова приду сюда. — Ладно. Завтра в девять утра. И ни минутой раньше.

Она приподнимает бровь.

— Вы сказали, что бегаєте в пять, — поясняю я, — но я не из тех, кто радостно вскакивает с первыми лучами солнца. Особенно после бессонных ночей. Так что до девяти я вообще мало на что гожусь.

— Девять меня вполне устроит, — кивает она.

— Отлично. Надевайте что-то удобное и готовьтесь попотеть.

— Договорились, тренер, — с легкой, почти лукавой улыбкой отвечает Эйприл.

Глава 4. Коул

Я сползаю с высокого стула, чувствуя, как мышцы, до этого приятно расслабленные, снова начинают подбираться. А ведь я знаю эту девушку всего ничего. Какого хрена со мной не так? Я пытаюсь уцепиться за это странное чувство, разогнать его в подозрение — но мысль выскользывает, как мокрое мыло. Ну её к чёрту. Эйприл нормальная. Я это чувствую.

Но мне правда пора уходить. Еще немного в этой теплой кухне, рядом с этой удивительно спокойной девушкой — и я окончательно забуду, кто я такой и зачем вообще нахожусь в этом городе.

— Спасибо за обед, Эйприл. — Я направляюсь в прихожую.

— И вам спасибо за спасение моей драгоценности, — отзывается она с легкой иронией, показывая на сумочку.

Я снимаю куртку с вешалки. Пробедев руки в рукава, привычно чувствую тяжесть скрытой кобуры, прижимающейся к ребрам. Холодный металл словно отрезвляет, моментально сдирая с меня иллюзию нормальной жизни. Я застегиваю куртку и поворачиваюсь к ней.

Она стоит всего в шаге от меня, засунув руки в задние карманы темных джинсов. В прихожей чуть темнее, чем в залитой светом гостиной, и ее глаза кажутся совсем глубо-

кими. Мы просто смотрим друг на друга пару секунд. Между нами нет неловкости — только какое-то странное, плотное напряжение. Внутри меня вдруг шевелится совершенно идиотское, иррациональное нежелание уходить.

Я ведь едва ее знаю. Это пугает и притягивает одновременно.

— Завтра в девять, — напоминаю я, опуская взгляд на ее лицо.

— Я помню. Постарайтесь не проспать.

Я лишь коротко усмехаюсь, киваю ей на прощание и шагаю за порог.

Тяжелая черная дверь закрывается за моей спиной с глухим, солидным щелчком, отрезая меня от запаха розмарина, тишины и тепла. На меня тут же обрушивается сырой уличный ветер, пробирающийся под воротник, и шум проезжающих вдалеке машин.

Магия рассеялась. Я снова на улице. Я снова в бегах.

Я плотнее запахиваю куртку, пряча руки в карманы, и быстрым шагом направляюсь прочь от благополучного квартала таунхаусов. Нужно возвращаться в мотель.

Я толкаю хлипкую дверь нашего номера, внутренне морщась от того, как легко поддается замок. В таких местах безопасность — это просто иллюзия.

Ноутбук брата светится на столе, по экрану безостановочно бегут какие-то данные, а сам Эдриан обнаруживается на

полу.

Он постелил одно из жестких отельных полотенец поверх сомнительного ковролина и сейчас методично отжимается. Его спина абсолютно прямая, движения ровные, дыхание размеренное.

— Восемьдесят восемь... восемьдесят девять... — негромко считает он сквозь зубы, даже не сбившись с ритма при моем появлении.

Я бросаю куртку на спинку кровати, скрещиваю руки на груди и прислоняюсь к стене, наблюдая за ним.

— Если ты пытаешься впечатлить местных клопов, то у тебя отлично получается, — замечаю я. — Но я бы не стал так близко прижиматься к этому ковру. Тут наверняка можно подцепить заразу, от которой еще не придумали антибиотиков.

Эдриан делает еще два идеальных отжимания, пружинисто поднимается на ноги и берет с тумбочки бутылку обычной воды. В этом весь Эдриан. Даже находясь в бегах, он умудряется соблюдать режим, который меня бы свел с ума на второй день.

— В здоровом теле — здоровый дух, Коул, — он делает глоток и вытирает лоб краем футболки. Затем бросает на меня внимательный взгляд своих умных, цепких глаз. — Ты долго. Где тебя носило?

Я пожимаю плечами, стараясь, чтобы это выглядело максимально небрежно.

— Изучал местность. Дышал свежим воздухом.

Эдриан скептически приподнимает бровь. Он слишком хорошо меня знает.

— Ты пахнешь жареным мясом, розмарином и дорогим парфюмом, Коул. Если только ты не ограбил шеф-повара во французском ресторане, то ты явно что-то недоговариваешь.

— У меня появились кое-какие связи, — уклончиво отвечаю я, меняя тему. — Что у тебя? Выяснил что-нибудь полезное, пока качал мышцы?

Эдриан вздыхает, понимая, что подробностей о моем походе он сейчас не добьется. Он подходит к столу, закрывает бутылку с водой и разворачивает ко мне экран ноутбука.

— Вообще-то, да. Я нашел кое-что странное. И тебе это не понравится.

Я отлепляюсь от стены, мгновенно теряя всю свою расслабленность, и подхожу к столу. На темном фоне — обрывки какого-то перехваченного документа, куски расшифрованного кода и выделенные красным строки.

— Я прогнал старые логи Ордена через новый алгоритм, — Эдриан говорит тихо, без своего обычного сарказма. — Искал любые упоминания о том периоде, когда пропал отец.

При упоминании отца у меня внутри всё привычно сжимается в тугий, холодный узел. Я опираюсь костяшками пальцев о хлипкий стол и вчитываюсь в строчки.

— Он точно не у них, Коул, — продолжает Эдриан, глядя на меня снизу вверх. В его глазах отражается свет монитора.

— Смотри сюда. Это отчет одного из «чистильщиков» Ордена. Они вышли на его след, но... кто-то опередил Орден. Его кровь нашли на месте, но тела — нет. Орден закрыл дело, посчитав его пропавшим без вести.

— И что это значит — он мертв? — мой голос звучит глухо, словно чужой. — Хочешь сказать, кто-то убил его до того, как Орден успел выбить из него информацию? Значит, все эти годы мы надеялись вытащить его, а он погиб?

— Я не знаю, Коул, — Эдриан устало трет переносицу. — В этом отчёте сказано только, что Ордену не удалось его захватить. Тела нет. Может быть, отец сам инсценировал кровь, чтобы оторваться. Может быть, кто-то увёл его раньше Ордена. Это всё, что есть в их базе. Нам нужно копнуть глубже.

Я отворачиваюсь от экрана, чувствуя, как внутри закипает глухая, бессильная ярость. Столько времени и сил потрачено впустую. Столько времени мы надеялись, что он сидит в какой-нибудь темнице Ордена, и мы сможем его вытащить. А теперь...

Я стискиваю зубы так, что сводит челюсть. Мне нужно что-то ударить. Нужно как-то выплеснуть эту энергию, пока она не разорвала меня изнутри.

— Продолжай копать, — бросаю я, направляясь к своей кровати. — Выясни всё, что сможешь.

Эдриан молча кивает и снова поворачивается к клавиатуре. Воздух в номере становится тяжелым, душливым. Я па-

даю на жесткий матрас, закидывая руки за голову, и смотрю в потрескавшийся потолок.

Глава 5. Коул

Я не сомкнул глаз до самого утра. Ярость и бессилие жгли изнутри, требуя выхода, требуя сломать кому-нибудь челюсть. Мне нужно было отвлечься, иначе я бы сошел с ума в этих четырех стенах. Поэтому ровно в девять ноль-ноль я нажимаю кнопку звонка у двери таунхауса Эйприл.

Дверь открывается почти сразу. На мгновение я замираю. Вместо привычной строгой одежды или домашних кардиганов на ней черные легинсы и облегающий спортивный топ. Волосы собраны в тугий хвост, на лице ни капли макияжа. Я невольно отмечаю, что она в отличной форме — ничего лишнего, только плавные, подтянутые линии.

— Пунктуальность. Ценное качество, — говорит она вместо приветствия, отступая в сторону и пропуская меня внутрь.

— Привычка, — коротко отзываюсь я.

Мы поднимаемся на второй этаж. Я бросаю спортивную сумку на пол, достаю пару тренировочных лап и разминаю шею. После вчерашних новостей от Эдриана мышцы всё еще скованы напряжением. Мне нужна эта тренировка не меньше, чем ей.

— Сразу уясним главное, — начинаю я, поворачиваясь к ней. — Ты меньше, легче и слабее любого потенциального нападающего. Если попытаешься мериться с ним силой —

проиграешь. Твое оружие — это скорость, баланс и эффект неожиданности. Понятно?

Она серьезно кивает, складывая руки на груди.

— Понятно. Тренер.

Я пропускаю легкую иронию мимо ушей.

— Покажи свою естественную стойку. Представь, что я нападаю.

Она встает напротив меня. Сначала ее тело принимает идеальное, выверенное положение — ноги пружинят, центр тяжести идеально смещен... Но спустя долю секунды она словно спохватывается, чуть опускает руки и переносит вес на пятки, выглядя как обычная, неуверенная в себе девушка.

Я хмурюсь. На мгновение мне показалось, что... Впрочем, неважно.

— Слишком открыто, — я делаю шаг к ней. — Если я ударю сейчас, ты потеряешь равновесие и упадешь.

Я подхожу вплотную. Она не отступает, только чуть вскидывает подбородок, глядя мне в глаза. От нее пахнет чем-то свежим — гелем для душа и легкими цитрусами.

— Расставь ноги чуть шире, — командую я. Она подчиняется. — Нет, не так сильно.

Я вздыхаю и захожу ей за спину. Воздух между нами вдруг кажется слишком плотным. Я кладу руки ей на талию. Под тонкой тканью топа ее мышцы мгновенно напрягаются, словно от удара током.

— Расслабься, — мой голос звучит чуть ниже, чем я пла-

нировал. Я слегка надавливаю пальцами на ее бока, корректируя положение. — Вес на носки. Колени чуть согнуты.

Я чувствую тепло ее тела сквозь ткань. Стою так близко, что мое дыхание наверняка касается ее шеи. Одна моя рука скользит по ее руке вниз, чтобы поправить положение локтя.

— Левую руку выше. Она защищает челюсть. Правую — ближе к корпусу.

— Так? — спрашивает она. Ее голос тоже звучит чуть сдавленно.

Я не спешу отпускать ее, проверяя устойчивость позы.

— Лучше. Запомни это положение. Твоя задача — не позволить мне сбить этот баланс. Готова?

Она резко выдыхает и коротко кивает.

— Готова.

Я убираю руки с ее талии и делаю полшага в сторону, выходя из ее поля зрения.

— Держи баланс, — предупреждаю я.

Затем несильно толкаю ее открытой ладонью в плечо. Эйприл ожидаемо теряет равновесие, взмахивает руками и делает неуклюжий шаг в сторону, чтобы не упасть.

Она бросает на меня возмущенный взгляд:

— Эй!

— Если кто-то схватит тебя на улице, он не будет вежливо просить, — спокойно отвечаю я, направляясь к скамейке за экипировкой. — Ты должна стоять жестко. Центр тяжести вниз.

Я натягиваю тренировочные лапы и хлопаю ими друг о друга. Хлесткий звук эхом отскакивает от пустых стен второго этажа.

— Прямой левой, затем правой. Целься в центр. Давай.

Она делает неуверенный шаг вперед и бьет. Левая едва задевает край моей лапы, а правая вообще уходит куда-то в сторону. Типичные ошибки новичка — бьет только за счет руки, не подключая спину, а большой палец наверняка спрята- тала внутрь кулака.

Я со вздохом опускаю лапы.

— Если ты так ударишь кого-то на улице, он даже не поймет, что это было нападение. Скорее, решит, что ты пыта- ешься смахнуть с него пылинку.

Эйприл возмущенно фыркает, сдувая со лба выбившуюся прядь волос. — Я стараюсь вообще-то!

— Верю, — уголок моих губ сам ползет вверх. — Но давай поправим технику.

Я подхожу вплотную. Скидываю правую лапу и мягко, но уверенно беру ее за запястье.

— Во-первых, кулак. Большой палец всегда ложится сна- ружи, — я перебираю ее тонкие пальцы, правильно форми- рую кулак. Кожа у нее теплая и нежная — совсем не руки бойца. — Иначе сломаешь его при первом же жестком кон- такте. Во-вторых, сила удара идет не от плеча. Она начина- ется здесь.

Я кладу широкую ладонь ей на бедро. Эйприл чуть вздра-

гивает от этого прикосновения, я чувствую, как напрягаются мышцы под тканью ее штанов, и на секунду забываю, что собирался сказать дальше.

— Эм... Разворот бедра, — чуть хриплым голосом продолжаю я, заставляя себя сосредоточиться на тренировке, а не на том, как близко мы стоим. — Корпус идет следом, и только потом вылетает рука. Вес тела — твое главное оружие. Попробуй.

Я отступаю на шаг и снова поднимаю лапы. Она кивает. Сосредоточенно прикусывает нижнюю губу, разворачивает бедро — немного неуклюже, но старательно — и бьет. Шлепок по лапе получается уже чуть более звонким.

— Вот, уже лучше, — хвалю я. — Еще раз. Резче!

Она бьет снова и снова. Техника хромает, ударам не хватает хлесткости, но в ней столько упрямства и отдачи, что это цепляет куда сильнее идеальных стоек. На очередном двойном выпаде она слишком сильно переносит вес вперед, нога проскальзывает по гладкому мату, и Эйприл теряет равновесие. С тихим вскриком она летит прямо на меня.

Рефлексы срабатывают быстрее мыслей. Я отбрасываю лапу, делаю шаг навстречу и ловлю ее.

Мы сталкиваемся. Ее ладони упираются мне в грудь, а я инстинктивно обхватываю ее за талию обеими руками. Мои пальцы впиваются в ее бока чуть жестче, чем следовало бы, удерживая на месте.

Она тяжело дышит от спарринга. Ее грудь часто вздыма-

ется, прижимаясь к моей с каждым коротким, тяжелым вдохом. От этого ритмичного трения по моим венам мгновенно разливается обжигающий жар.

Я смотрю на нее сверху вниз. Тонкая ткань ее спортивной майки чуть влажная от пота, она плотно облегает тело, и мои руки, сжимающие ее узкую талию, словно горят. Я чувствую жар ее кожи прямо сквозь одежду.

Эйприл замирает. Она медленно поднимает на меня глаза. В этот момент в них нет ни испуга, ни усталости — в них плещется что-то темное, тягучее и совершенно не невинное. Ее губы чуть приоткрыты. Влажные, покрасневшие от физической нагрузки.

Воздух в зале вдруг становится тяжелым, плотным, как перед грозой. Мой взгляд невольно падает на ее рот, и я чувствую, как мои большие пальцы на ее боках неконтролируемо скользят по ткани, задирая ее на миллиметр выше, касаясь голой кожи. Я притягиваю ее еще ближе к себе. Неосознанно. Инстинктивно. Так близко, что она просто не может не почувствовать, как жестко мое тело реагирует на нее внизу прямо сейчас.

Секунда. Вторая. Меня накрывает почти животным желанием — наклониться, впиться в эти приоткрытые губы, смять их, прижать ее спиной к матам и показать, кто здесь на самом деле хищник. Запах ее пота вперемешку с чем-то сладким, присущим только ей, дурманит голову. Я вижу, как у нее на шее бьется жилка. Она ждет. Она не отстраняется.

И это отрывает меня хуже пощечины.

Блять. Соберись, Коул.

Я резко сглатываю, с огромным трудом заставляя себя разжать пальцы на ее талии. Делаю шаг назад, разрывая этот чертов электрический контакт. Воздух со свистом врывается в легкие.

— Держи равновесие, — мой голос звучит хрипло, намного ниже обычного. Я отворачиваюсь к стойке с инвентарем, просто чтобы скрыть свое состояние и то, как сильно меня кроет. — Иначе в реальном бою тебя сразу повалят на спину. А на спине ты абсолютно беззащитна.

Она моргает, сбрасывая оцепенение, и её щеки мгновенно вспыхивают. То ли от возмущения, то ли от смущения — а может, от всего сразу.

— Я просто поскользнулась, — фыркает она. Эйприл упирается ладонями мне в грудь и толкает, делая шаг назад. — Тут маты слишком скользкие.

— Ага, конечно. Виноваты маты, гравитация, плохая погода и ретроградный Меркурий, — я тихо смеюсь, нехотя отпуская её талию. Но напоследок нарочно провожу большими пальцами по её бокам чуть медленнее, чем следовало бы, заставляя её едва заметно вздрогнуть. — Главное — не твое тайное желание упасть прямо в мои объятия. Я всё понял, можешь не оправдываться.

Эйприл закатывает глаза, но я успеваю заметить, как она прячет улыбку, торопливо заправляя за ухо выбившуюся

прядь. Эта крошечная победа заставляет меня самодовольно хмыкнуть.

Я наклоняюсь, подбираю сброшенную лапу и снова натягиваю её на руку, многозначительно поигрывая бровями.

— Ладно, падающая звезда, поехали дальше. Записывай правило номер три: никогда не отвлекайся на чертовски привлекательного тренера. Это классическая уловка, — я подмигиваю ей и снова поднимаю руки на уровень груди. — Соберись. Центр тяжести вниз, кулаки к подбородку. Давай, покажи мне, на что ты способна, когда не пытаешься меня соблазнить.

Она бросает на меня убийственный взгляд — впрочем, совершенно не страшный, потому что в её глазах пляшут смешинки, — снова встает в стойку и бьет. На этот раз шлепок по лапе получается куда более уверенным.

Шлепок. Еще один. Мы втягиваемся в ритм. С каждым ударом Эйприл бьет всё увереннее. Ее дыхание учащается, на лбу выступает легкая испарина, но взгляд остается сфокусированным и цепким.

— Неплохо, — хвалю я, отбивая ее очередной хук. — А теперь давай кое-что проясним. Уличная драка — это не спарринг на ринге. Нападающий не будет вежливо ждать, пока ты встанешь в стойку и замахнешься. Он просто пойдет напролом, чтобы задавить тебя массой.

— И что мне делать? — она тяжело дышит, но рук не опускает.

— Покажи мне свои инстинкты, Эйприл. Что ты будешь делать, если я сделаю вот так...

Я не даю ей времени на раздумья. Скидываю одну лапу на мат, делаю резкий, обманный рывок вперед и внаглую сокращаю дистанцию, намертво обхватывая ее поперек туловища, прижимая ее руки к бокам. Классический захват.

Я ожидаю, что она начнет вырываться, дергаться или попытается вспомнить, как правильно бить.

Но Эйприл вообще не думает.

В ту же секунду, как мои руки смыкаются на ее спине, ее правый кроссовок с безжалостной силой впечатывается мне прямо в подъем стопы.

— Твою... — я рефлекторно шиплю от боли, моя хватка на долю секунды ослабевает.

Этого ей оказывается достаточно. Не теряя ни мгновения, она резко дергает корпусом и с размаху бьет коленом прямо мне в пах.

Мой внутренний радар взвизгивает. Только благодаря вбитым годами рефлексам я успеваю в последнюю долю секунды опустить руку и поймать ее колено раскрытой ладонью буквально в дюйме от цели. Удар получается увесистым — ладонь обжигает болью.

Я отскакиваю назад на добрый метр, тяжело дыша и выставляя руки вперед в защитном жесте.

— Воу, воу, полегче, леди! — выдыхаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя по спине только что пробежал хо-

лодный пот. — Ты чуть не лишила меня возможности иметь наследников!

Эйприл стоит на месте, поправляя растрепавшийся хвост. На ее лице нет ни капли испуга, только легкая, почти невинная улыбка и тяжелое дыхание.

— Вы сами просили показать инстинкты, Коул, — она пожимает плечами с таким видом, будто только что не пыталась меня кастрировать. — В статье, которую я читала, писали: если тебя схватили — бей по ногам, кусайся и целйся в пах. Вы же не думали, что я буду пытаться перекинуть вас через бедро?

Я смотрю на нее, чувствуя, как пульсирует ушибленная стопа, и внезапно для самого себя начинаю смеяться. Громко и искренне.

— Статья, значит? — я качаю головой, поднимая сброшенную лапу. — Знаешь, а ты чертовски права.

— Правда? — она чуть приподнимает брови.

— Абсолютно. Это был грязный, подлый и совершенно неспортивный прием. И именно поэтому он идеален для улицы. — Я делаю шаг к ней, уже без всяких шуток, глядя прямо в ее светло-карие глаза. — Если кто-то попытается затащить тебя в фургон, правила этикета летят к черту. Рви, кусай, ломай пальцы, бей в кадык и по шарам. Твоя задача — не победить, а сделать ему достаточно больно, чтобы он отпустил тебя хотя бы на секунду, и бежать.

Она внимательно слушает, слегка наклонив голову.

— Значит, тест я прошла? — в ее голосе снова появляются лукавые нотки.

— Проща, — я усмехаюсь, потирая ноющую ладонь. — Рефлексы у тебя отличные. И сообразительности хоть отбавляй. Но в следующий раз, пожалуйста, предупреждай, прежде чем применять тяжелую артиллерию. Мне эти детали организма еще дороги как память.

Эйприл тихо смеется, и этот звук неожиданно заставляет что-то внутри меня сжаться. Он теплый, живой. Совсем не похож на тот стерильный образ, который она пытается поддерживать.

— Ничего не могу обещать, тренер. Улица есть улица, — парирует она, снова поднимая кулаки. — Продолжаем?

Мы позанимались еще около получаса. Я показал ей пару базовых блоков, как правильно освобождаться от захвата за запястье и наносить короткие удары локтем. Эйприл оказалась на редкость способной ученицей — она схватывала все на лету, хотя и старалась казаться чуть более неуклюжей, чем, как мне казалось, была на самом деле.

К концу тренировки мы оба тяжело дышим. Волосы Эйприл окончательно выбиваются из хвоста, щёки покраснелись, но в глазах горит живой азарт. В какой-то момент, когда она со смехом пытается повторить показанный мной уворот и чуть не теряет равновесие, я ловлю себя на мысли, что мне... нравится проводить с ней время.

Эту редкую минуту расслабленности прервал резкий звук

рингтона.

Телефон Эйприл, лежащий на скамейке у стены, завибрировал, высвечивая на экране неизвестный номер.

Она обернулась на звук, и я заметил, как мгновенно изменилось ее лицо. Будто кто-то щелкнул выключателем. Живая, запыхавшаяся девушка исчезла, и на ее место вернулась та собранная, закрытая Эйприл, которую я встретил в первый день.

Она быстро подошла к скамейке и взяла смартфон.

— Простите, Коул, — она бросила на меня короткий, извиняющийся взгляд. — Мне нужно ответить. Это по работе.

— Без проблем, — я поднял руки в примирительном жесте, отступая на шаг и стягивая тренировочные перчатки. — Думаю, на сегодня базы вполне достаточно. Ты отлично справилась.

Она кивнула, уже отходя к окну и прикладывая телефон к уху.

— Да, слушаю, — ее голос зазвучал ровно, сухо и по-деловому.

Я начинаю не спеша собирать лапы и складывать их в сумку, краем глаза наблюдая за ней. Эйприл стояла спиной ко мне, обхватив себя свободной рукой за плечи. Я не мог разобрать слов — она говорила очень тихо, почти шепотом, но напряженная линия ее плеч выдавала, что звонок явно не из приятных. Или, по крайней мере, требовал максимальной концентрации.

Застегнув молнию на сумке, я закинул ее на плечо.

— Тогда до завтра! — негромко говорю я, чтобы не мешать ее разговору. — Спасибо за тренировку!

Она лишь на секунду обернулась, благодарно кивнула мне и снова переключилась на своего собеседника.

Час спустя я возвращаюсь в номер нашего мотеля и сразу понимаю: что-то не так.

В комнате, обычно заваленной проводами и жёсткими дисками, царит организованный хаос. Эдриан не сидит за ноутбуком, а методично скидывает оборудование в чёрные спортивные сумки.

— Мы съезжаем? — я закрываю за собой дверь на засов и бросаю ключи на тумбочку.

Эдриан даже не оборачивается, сматывая кабели.

— Наш сканер только что перехватил зашифрованную частоту Ордена на соседней улице, — мрачно отзывается брат. — К тому же администратор внизу сегодня утром начал задавать слишком много вопросов о том, почему у нас мотает столько электричества.

— Думаешь, Орден нас срисовал?

— Я не верю в такие совпадения, Коул. Особенно после новостей об отце. Если они убили его и всё это время ждали, пока мы высунемся... В общем, нам нужно новое укрытие. И желательно не очередной придорожный клоповник, а нормальный дом, где никто не станет искать двух парней без официальной кредитной истории и поручителей.

Я тяжело выдыхаю, потирая переносицу. Чертовски во-
время.

— Ладно. Собирай железо. Я займусь оружием.

Глава 6. Коул

Весь следующий день мы с Эдрианом мотаемся по полгорода. Осматриваем несколько вариантов, но все они требуют кучу документов, которых у нас нет. В итоге к ночи мы перевозим вещи во временный бокс для хранения, а сами оказываемся практически на улице, ночуя прямо в моём Чарджере на стоянке у круглосуточного дайнера.

Утро выдаётся паршивым. Спина ноет от неудобного сиденья, шею заклинило. Эдриан, чьи длинные ноги всю ночь воевали с приборной панелью моего Чарджера, просыпается с таким лицом, будто планирует убить меня голыми руками. Я же, несмотря на затёкшую поясницу, ревностно слежу, чтобы он не запачкал салон своими кроссовками.

Сейчас мы сидим в угловой кабинке дайнера. Эдриан, вооружившись стаканом дрянного чёрного кофе, уже ожесточённо стучит по клавишам ноутбука, подключившись к местному Wi-Fi.

Я смотрю на экран своего телефона. Без пятнадцати восемь. По-хорошему, нужно позвонить Эйприл и отменить занятие. Нам нужно искать жильё, а не прохлаждаться на матах.

Я тяжело выдыхаю, поднимаюсь из-за стола и выхожу на улицу, подальше от звона посуды. Нахожу её контакт. Нажимаю кнопку вызова. Гудки кажутся слишком громкими. Я

уже отрепетировал речь: «Эйприл, извини, форс-мажор, я не смогу приехать». Всё просто.

— Да, Коул? — раздаётся в трубке её голос. Спокойный, с лёгкой хрипотцой, от которой у меня по затылку пробегает странный холодок.

Я открываю рот. Слова куда-то испаряются.

— Э-э... — выдаю я, чувствуя себя полным идиотом. — Привет. Я просто... хотел подтвердить нашу тренировку на девять. Всё в силе?

— Конечно, — в её голосе слышится лёгкая улыбка. — Жду.

— Тогда до встречи, — говорю я и сбрасываю звонок.

Я смотрю на погасший экран и мысленно ударяюсь головой о кирпичную стену дайнера. Кретин.

Вернувшись внутрь, плюхаюсь на диванчик напротив брата. Эдриан на секунду отрывается от экрана, окидывая меня подозрительным взглядом. Он всегда читает меня как открытую книгу.

— Нет, — твёрдо говорит Эдриан. — Скажи, что ты сказал ей «нет».

— Ага, — вру я, стараясь звучать непринуждённо, и тянусь за салфеткой.

Эдриан прищуривается.

— Правда?

Я замираю, поджимаю губы и обречённо опускаю голову.

— Нет, — выдыхаю я. — Не смог я сказать ей «нет», яс-

но? К тому же... после вчерашнего дерьма мне не помешает выпустить пар.

Эдриан откидывается на спинку скрипучего диванчика, сложив руки на груди.

— А мне что делать? — ровным, почти профессорским тоном интересуется он. — Сидеть тут и ждать тебя, пока ты «выпускаешь пар»? Серьёзно? У нас Орден на хвосте, мы живём в машине, а ты едешь на свидание-спарринг?

— Это не свидание, — огрызаюсь я, хотя уши предательски теплеют. — И да, серьёзно. Сиди здесь и делай то, что ты обычно делаешь в своей железке. Ищи нам укрытие.

Эдриан закатывает глаза, снова придвигая к себе ноутбук.

— Отличный план. Только если эта твоя риелтор-флиппер с идеальной кредитной историей окажется агентом Ордена, я спасти тебя не приеду.

Я усмехаюсь.

— Значит, ты уже пробил номер, по которому я звонил?

— Я пробиваю всё, что приближается к нам ближе чем на пушечный выстрел, — мрачно отзывается Эдриан, не глядя на меня. — Езжай уже. И постарайся, чтобы она не сломала тебе нос.

Через час я уже паркую Чарджер у дома Эйприл. Ровно в девять утра я стою перед её дверью, отчаянно стараясь выглядеть так, будто моя жизнь не летит к чертям, а за плечами нет бессонной ночи в скрюченном состоянии.

Я надеюсь, что физическая боль поможет мне прочистить

мозги, но когда мы выходим на татами, мысли всё равно продолжают роиться. Орден на хвосте, отсутствие крыши над головой, брат с ноутбуком в дешёвом дайнере... и тот раздражающий факт, что я примчался сюда, забыв обо всём, только из-за одного звука её голоса.

Возможно, именно поэтому во время нашей разминки я дёрганный. Я пропускаю от Эйприл два удара, которые в нормальном состоянии заблокировал бы с закрытыми глазами.

После второго пропущенного хука Эйприл опускает руки и внимательно на меня смотрит.

— Знаете, Коул, если ваша цель — поднять мою самооценку, позволяя себя избивать, то вы отлично справляетесь. Но мне кажется, вы мыслями где-то в другом месте.

Я тру челюсть, поморщившись.

— Извини. Ты ни при чём, просто вчерашний день выдался... сумасшедшим.

Она подходит к скамейке, бросает мне бутылку с водой и берёт свою.

— Проблемы на работе? — спрашивает она с лёгким, ненавязчивым интересом.

— Проблемы с жильём, — я отпиваю воды, решив выдать ей отредактированную, «гражданскую» версию правды. — Нам с братом пришлось срочно съехать из мотеля, а найти нормальное место без залога за полгода и кучи справок за один день, оказывается, тот ещё квест.

Эйприл замирает с бутылкой в руке. Её взгляд становится

задумчивым. Я вижу, как в её глазах крутятся шестерёнки: она словно взвешивает все «за» и «против».

— Ваш брат... он такой же шумный, как вы? — вдруг спрашивает она.

Я удивлённо вскидываю брови.

— Эдриан? Нет. Он программист. Его вообще не видно и не слышно, пока не отключишь Wi-Fi. А к чему вопрос?

Эйприл откручивает крышку бутылки, делает глоток и смотрит на меня со спокойной, прагматичной уверенностью.

— Мой второй этаж почти пустует, — говорит она ровным голосом. — Помимо этого открытого зала, где мы тренируемся, здесь есть две свободные спальни, отдельная ванная и свой выход на лестницу. Я собиралась сдавать его, но... — она делает паузу, слегка усмехнувшись. — Как мы уже выяснили в переулке, мир не самое безопасное место.

— Погоди, — я скептически прищуриваюсь. — Ты серьёзно хочешь пустить нас к себе? Мы ведь буквально вчера шутили про малознакомых парней и маньяков.

— Вы не маньяк, Коул, — она пожимает плечами, и в её глазах блестит та самая дерзкая искра. — Вы — парень, который умеет ломать людям колени. А ваш брат починит мне интернет, если он сломается. Вы платите мне аренду наличными, без лишних бумажек. Вы получаете жильё, а я — двух бесплатных вышибал на случай, если тот тип из переулка решит вернуться. Чистый бизнес.

Я смотрю на неё, не веря своим ушам. С точки зрения ло-

гики, её предложение абсолютно разумное. А для нас с Эдрианом это вообще подарок судьбы — идеальное, тихое место в приличном районе, где никто не станет задавать лишних вопросов.

Она действительно оказывается не только смелой, но и на редкость деловой девушкой.

— Чистый бизнес? — с усмешкой переспрашиваю я.

— Именно, — она протягивает мне руку для рукопожатия, как полноправный партнёр. — Так что, тренер? Договорились?

Я смотрю на её тонкую, но сильную ладонь и крепкожимаю её.

— Договорились, Эйприл. Мы перевезём вещи сегодня же.

— Отлично, — она кивает, затем подходит к своей сумке, быстро роется в ней и, вернувшись, бросает мне небольшую связку.

Я рефлексивно ловлю её, удивлённо уставившись на пару ключей в своей ладони.

— У меня сегодня полно дел по работе, — спокойно поясняет Эйприл, накидывая полотенце на шею. — Буду дома только поздно вечером. Длинный ключ — от главной двери, короткий — от боковой лестницы, она ведёт прямо на ваш этаж. Можете заносить вещи и располагаться.

Я взвешиваю ключи в руке, скептически приподняв бровь.

— Ты вот так просто даёшь ключи от своего дома парню, которого знаешь пару дней?

Эйприл пожимает плечами и обезоруживающе улыбается.

— Коул, вы отбили меня у вооружённого отморозка. Если бы вы хотели меня ограбить или убить, вы бы сделали это ещё в переулке, а не стали бы учить меня хукам. К тому же...

— она выразительно смотрит на мои кроссовки. — Теперь я знаю, как правильно бить вам по ногам в случае чего.

Я искренне смеюсь, качая головой. Её логика железобетонная.

— *Туше.* Тогда до вечера, соседка.

— До вечера, Коул.

К девяти часам вечера мы перетаскиваем все вещи, которые у нас есть. Пока я закидываю в шкаф свои помятые футболки вперемешку с коробками патронов, Эдриан уже успевает превратить свою спальню в командный пункт. Он методично протирает антибактериальными салфетками письменный стол, прежде чем поставить туда свой драгоценный ноутбук.

Я достаю из мини-холодильника, предусмотрительно купленного нами по дороге, две бутылки пива, открываю их и прохожу в комнату брата. Эдриан сидит в кресле, закинув ноги на край кровати, и не отрывает взгляда от экрана ноутбука. Бледный свет монитора отражается в его глазах.

— Держи, — я протягиваю ему бутылку.

Он молча забирает её, делает большой глоток, но даже не моргает, продолжая вчитываться в бегущие по экрану строчки.

— Я копнул ещё глубже под твою новую подружку, — мрачно произносит брат, наконец отворачиваясь от ноутбука.

Я опускаюсь в кресло напротив, откинув голову на спинку. Гудят все мышцы после бессонной ночи и таскания коробок.

— Она не подружка, Эдриан. Она наша домовладелица. И ты копаешь под неё с самого утра. Нашёл что-нибудь, кроме того, что она риелтор?

— Я нашёл достаточно, чтобы понять: мне это сильно не нравится, — Эдриан хмурится, постукивая пальцами по холодному стеклу бутылки. — Я проверил её вдоль и поперёк. Эйприл Кросс. Умница, красавица, успешная карьера в сфере недвижимости. На неё зарегистрирована инвестиционная компания — скупает запущенные элитные объекты, делает реновацию и перепродает за сумасшедшие деньги. Очень прибыльный бизнес. И знаешь что? Всё слишком чисто. Деньги на счетах есть, кредитная история безупречная. Ни приводов в полицию, ни сомнительных связей. Даже чёртовых штрафов за неправильную парковку нет!

Я пожимаю плечами, отпивая пиво.

— Звучит как отличная соседка. Что тебя смущает?

— То, что она риелтор, Коул! — Эдриан подаётся вперёд,

понизив голос. — Она лучше кого бы то ни было знает все юридические риски. Люди с такой профессией и идеальными биографиями не пускают к себе в дом двух парней с улицы без договора, поручителей и проверок, беря оплату наличными. Это слишком чисто. Слишком... идеально. Меня это пугает.

Я усмехаюсь, вспоминая, как она ловко выстроила свою логику на тренировке.

— Она прагматик. Я отшил от неё уличного грабителя, она решила, что ей не помешает охрана. Вот и весь её мотив.

Эдриан меряет меня долгим, скептическим взглядом. Затем уголок его губ дрогает в кривой усмешке.

— Серьёзно? Тебе она что, реально симпатична? — он фыркает, качая головой. — Поверить не могу. Не знал, что тебя так просто зацепить. Пару раз поучил девчонку махать кулаками, она похлопала ресницами — и наш каменный Коул поплыл?

— Я не поплыл, — ровно отвечаю я, хотя чувствую, как напрягается челюсть. — Я просто говорю, что она кажется нормальной.

Усмешка сходит с лица Эдриана так же быстро, как и появилась. Он отводит взгляд, уставившись куда-то в стену. В его глазах мгновенно поселяется та знакомая, глухая тоска, которую я ненавижу видеть.

— Нормальной, — тихо повторяет он. — Идеальные девушки обычно прячут самых страшных демонов, Коул. И

врут они тоже... идеально.

В комнате повисает тяжёлая тишина, нарушаемая только тихим гудением серверов.

Я знаю, о ком он сейчас думает. Николь. Его слова режут меня, как лезвие. «Врут идеально». Горькая ирония заключается в том, что Николь ему не врала. Идеально в тот вечер соврал я.

Помню, как будто это было вчера. Мне нужно было вытащить Эдриана из того дома, заставить его бросить свою «нормальную жизнь» и поехать со мной искать пропавшего отца. И я не нашёл способа вернее, чем разрушить его мир. Я помню, как зажал Николь на заднем дворе. Как поцеловал её, почувствовав ту странную, пугающую, тёмную энергию, которая исходила от неё и намертво сковала её тело, не давая отбиться. А потом... потом я вошёл в гостиную и с ленивой ухмылкой бросил брату в лицо, что его идеальная девочка только что сама вешалась мне на шею. Я ударил по его самым глубоким страхам, которыми он со мной делился, намеренно упомянув того парня из её школы — Сета.

Эдриан поверил мне. Поверил сразу же, ослеплённый болью и ревностью, даже не дав ей шанса объясниться. Я добился своего: брат возненавидел её, собрал вещи и уехал со мной.

Я твердил себе, что сделал это ради нашего отца, ради выживания. А когда вскоре после нашего отъезда дом Николь взлетел на воздух вместе с ней и Сарой, я начал убеждать се-

бя, что тем своим грязным поступком я спас Эдриану жизнь. Иначе он остался бы там. Иначе он сгорел бы вместе с ними.

Но правда в том, что вместе с Николь сгорела и часть моего брата. И вина за это целиком и полностью лежит на мне. Он до сих пор носит в себе эту рану, свято веря, что девушка, которую он любил больше жизни, жестоко его предала. А я... я слишком труслив, чтобы сказать ему правду. Потому что если бы он узнал, что я подставил Николь, а потом она умерла, так и не успев оправдаться, — Эдриан возненавидел бы меня. А он единственный, кто у меня остался.

Я сглатываю горький ком, подступивший к горлу. Я не имею права с ним спорить или убеждать его верить людям. Не после того, что я с ним сделал.

Я не спорю. Подхожу, хлопаю брата по плечу и направляюсь к себе в комнату.

— Просто настрой нам защищённый Wi-Fi, ладно? — бросаю я через плечо. — А с Эйприл я буду держать ухо востро. Обещаю.

Эдриан лишь молча кивает, снова утыкаясь в монитор.

Спустя пару часов я слышу, как внизу хлопает входная дверь. Лёгкие шаги звучат на первом этаже и затихают.

Наша идеальная домовладелица вернулась домой.

Глава 7. Эдриан

Сон — это роскошь для людей с чистой совестью и спокойным прошлым. У меня нет ни того, ни другого.

Поэтому в половине пятого утра, когда небо за окном ещё даже не начало сереть, я сижу на кухне нашей новой домовладелицы в полной темноте, потягивая кофе.

Лёгкий шорох со стороны лестницы заставляет меня поднять голову. Шаги.

В арке гостиной появляется Эйприл. Мой взгляд, против моей воли, скользит по ней сверху вниз. Волосы стянуты в тугую, высокий хвост, ни грамма косметики. В ушах — беспроводные наушники. На ней чёрные спортивные легинсы, которые сидят как вторая кожа, обрисовывая каждый изгиб длинных ног, и укороченный облегающий топ.

Что ж. Она в отличной форме.

Она вдруг останавливается и, словно почувствовав мой изучающий взгляд, поворачивает голову в сторону тёмной кухни.

— Ой, Эдриан. Привет, — говорит она лёгким, совершенно спокойным голосом, стягивая один наушник. — Мы толком не успели с тобой познакомиться, но я сейчас убегаю на пробежку. Поэтому давай перенесём наш разговор на попозже, ладно? Думаю, у тебя есть ко мне вопросы.

Я моргаю, застигнутый врасплох.

Я ожидал чего угодно — защитной реакции, неловкости, фальшивой вежливости. Но её пронизательность сбивает меня с толку. Может, Коул уже успел ей что-то сболтнуть про мою паранойю?

— Эм... да. Хорошо, — слегка смутившись, отвечаю я и выхожу из-за кухонного острова, чтобы не сидеть в тени, как маньяк. — И часто ты бегаешь?

Вопрос вырывается сам собой. В нём нет подвоха, только искренний интерес. Когда-то утренний бег был и моей привычкой. Способом прочистить мозги.

Эйприл пожимает плечами, поправляя шнуровку на кроссовке.

— Оу, ну, вообще пять-шесть дней в неделю. В одно и то же время. Стараюсь соблюдать режим, хоть с частыми перездами это бывает довольно трудно, понимаешь?

— А... да, поверь, — я усмехаюсь, и на этот раз усмешка выходит немного грустной.

Понимаю ли я. Вся моя жизнь, особенно в детстве, была сплошным кочевничеством. Дешёвые мотели, съёмные квартиры на пару месяцев, жизнь на чемоданах из-за отца и Коула. Я знаю, каково это — не иметь корней. И именно поэтому самым важным, самым светлым периодом в моей жизни стало то спокойное время в маленьком городке в Пенсильвании. Время, когда у меня был один дом, одна школа и... Николь. Тот уютный, стабильный мирок, который в итоге рухнул.

Я трясу головой, отгоняя непрошеное воспоминание, и снова фокусируюсь на Эйприл.

— И сколько ты пробегаешь?

— Обычно километров десять, — легко отвечает она. — Если день свободный — пятнадцать-восемнадцать. Ничего особенного.

Я зависаю.

Просто смотрю на неё, переваривая услышанное. Ничего особенного? Я, конечно, не заплывший жиром лентяй. Я слежу за питанием, выбирая нормальную еду вместо того мусорного фастфуда, который вечно таскает Коул, и каждый день изматываю себя отжиманиями и скручиваниями до дрожи в мышцах. Но все мои тренировки проходят в четырёх стенах тесных мотелей. За наглухо запертыми дверями и задёрнутыми шторами.

Бег на улице — это уязвимость. Наушники в ушах — это добровольная потеря контроля над окружением. Я забросил свободные утренние пробежки с тех пор, как Орден сел нам на хвост, навсегда променяв ветер в лицо на паранойю и опасность.

А она запросто наматывает по пятнадцать километров, открытая всему миру. Честно говоря, сейчас я по-настоящему завидую этой свободе.

— Ничего особенного? — я не сдерживаю смешка, качнув головой. Мой внутренний параноик на секунду отключается, уступив место обычному парню. — Это внушительная циф-

ра, скажу я тебе.

Я искренне впечатлён. И, честно говоря, немного завидую её дисциплине.

Она слабо улыбается уголками губ.

— Просто поддерживаю форму. Моя работа требует... выносливости. Клиенты бывают очень капризными.

— Риелторская доля тяжела, — соглашаюсь я, чувствуя, как напряжение между нами немного рассеивается. Я опираюсь бедром о столешницу. — Кстати... я хотел спросить. Твоя библиотека в гостиной.

Она вопросительно изгибает бровь.

— Мои книги?

— Да. Не возражаешь, если я одолжу что-нибудь почитать?

Я жду, что она махнёт рукой и скажет: «Бери, что хочешь». Так делают люди, которые покупают книги для интерьера.

Но Эйприл на секунду замолкает. Её взгляд метается к полкам, затем возвращается ко мне.

— Смотря что ты предпочитаешь, — осторожно отвечает она. — Там в основном скучная литература по саморазвитию и пара старых фантастических романов.

Старых фантастических романов. Мой пульс вдруг совершает странный, болезненный скачок. У Николь тоже была стопка старой фантастики.

Я жёстко отрезаю эту мысль, запирая её в самый дальний

ящик памяти. Совпадение. В мире миллионы девушек читают фантастику.

— Думаю, я найду что-то по вкусу, — я выдавливаю из себя кривую усмешку. — Если, конечно, там нет двойного дна или тайников. Говорят, в книгах с толстым корешком удобно прятать наличные.

Я говорю это специально. Забрасываю удочку, чтобы посмотреть на её реакцию.

Эйприл выдерживает мой взгляд. В её глазах нет ни испуга, ни раздражения — только странная, тяжёлая усталость, от которой у меня внутри что-то неприятно колет.

— Не ищи подвоха там, где его нет, Эдриан, — тихо отвечает она. — Порой книги — это просто книги.

С этими словами она отворачивается, накидывает лёгкую ветровку поверх спортивного топа, вставляет наушник обратно в ухо и неслышно выскальзывает из дома. Тихо щёлкает замок главной двери.

Я остаюсь один в тёмной гостиной. У меня около полутора часов. Это отличная возможность изучить её территорию.

Я окидываю взглядом первый этаж. Вчера Коул бегло описал мне планировку: третий этаж — личная территория Эйприл, второй она сдала нам, а здесь, внизу — только общая зона, гостевой санузел и запертая кладовка. Меня интересует именно она. Люди с идеальными биографиями часто прячут своих скелетов в таких вот неприметных местах.

Я подхожу к двери, которая должна быть подсобкой, и ти-

хо поворачиваю ручку. Заперто. Скрепка из кармана и пять секунд работы решают эту проблему. Дверь бесшумно поддаётся.

Я шагаю внутрь, аккуратно защёлкиваю замок изнутри, чтобы никто не застал меня врасплох, и хмурюсь.

Никакая это не кладовка. Это спальня, совмещённая с отдельной небольшой ванной.

Какого чёрта? У неё есть целый третий этаж. Зачем прятать свою спальню здесь, на первом, буквально в двух шагах от входной двери, выдавая её за подсобное помещение?

Я действую быстро и методично. Сначала проверяю ящики комода. В верхних лежит свёрнутое постельное бельё и пледы. Я выдвигаю следующий и замираю.

Нижнее бельё. Кружевное, тонкое, шёлковое, изумительно красивое... От одного взгляда на эти невесомые полоски перед глазами непрошеным слайд-шоу проносятся картинки, которые мне сейчас совершенно не следует представлять.

Так, Эдриан, соберись.

Я моргаю, прогоняя наваждение, и резко задвигаю ящик.

Прошупываю дно шкафа, заглядываю под матрас идеальной, заправленной без единой складки кровати. Пусто. Никаких вторых телефонов, паспортов или скрытых сейфов. Комната... нормальная. Это бесит ещё больше.

Я как раз осматриваю небольшую полку встроенного шкафа, когда со стороны прихожей слышится щелчок замка.

Чёрт. Бросаю быстрый взгляд на часы на запястье. Она

вернулась на двадцать минут раньше, чем я рассчитывал.

Я едва успеваю бесшумно отступить в самую глубокую тень в дальнем углу комнаты, между шкафом и стеной, как дверь распахивается. Эйприл входит внутрь и привычным жестом защёлкивает замок за спиной.

Тяжело дыша после бега, она бросает ключи на комод и сразу направляется к прилегающей ванной комнате. На ходу она стягивает с себя влажную ветровку, отбрасывая её на край кровати. Распускает волосы, а затем её руки скользят к нижнему краю облегающего спортивного топа. Она медленно тянет его вверх.

Ткань ползёт по влажной коже, обнажая сначала узкую полоску живота, потом тёмную линию позвоночника. Топ скользит через голову и летит в корзину для белья.

Затем — легинсы. Большие пальцы цепляют тугую резинку, и она тянет их вниз одним коротким движением, плавно переступая ткань босыми ступнями.

Мой рациональный мозг орёт: «Это твой шанс, идиот! Пока она в ванной и шумит вода, иди к двери и уходи!»

Но я словно прирос к полу.

Свет из открытой двери ванной падает так, что я прекрасно вижу её со спины. Мой взгляд скользит по ней — по влажному блеску кожи на лопатках. По капле пота, медленно сползающей вдоль позвоночника. По узкой талии, по плавной линии бедра... туда, где тонкая полоска белья контрастирует с гладкой, разгорячённой кожей. Я скольжу глазами

ниже, по изгибам длинных, стройных ног, чувствуя, как в груди становится невыносимо тесно.

Мой аналитический мозг полностью отключается. Я просто стою в тени и смотрю на неё, не в силах оторвать взгляд.

Пока вода в душе нагревается, Эйприл подходит к раковине. Привычным жестом она собирает влажные волосы свободной рукой, поднимая их высоко на затылок, а полотенцем с силой проводит по шее. Плотный слой водостойкого консилера, который она, очевидно, наносит каждое утро, смазывается от трения жёсткой ткани.

Там, на смуглой коже прямо под линией роста волос, проступают тёмные контуры. Две маленькие буквы, набитые чернилами. Что именно там написано, с такого расстояния разглядеть я не могу. Но сам факт... Она замазывает татуировку. Зачем?

Этот вопрос мелькает где-то на задворках сознания, но тут же тонет в гудящем напряжении.

Внезапно Эйприл замирает. Она чуть приподнимает подбородок, глядя в зеркало над раковиной. В отражении зеркала наши глаза сталкиваются. Она находит меня в полумраке мгновенно.

Моё сердце ухает куда-то вниз. Она не вздрагивает. Не пытается прикрыться руками или закричать. Она просто смотрит на меня сквозь полумрак комнаты. В её глазах нет испуга или стеснения. Только тёмный, почти хищный вызов.

— Что-то интересное увидел, Эдриан? — наконец нару-

шает она тишину.

Её голос звучит тихо, с лёгкой, почти ленивой хрипотцой. Она даже не оборачивается, наблюдая за моей реакцией через зеркало.

Я медленно выхожу из тени. Чувствую, как к щекам приливает кровь. Отводить взгляд было бы жалко, но смотреть прямо на её полуобнажённое тело оказывается чертовски сложной задачей.

— Я... — я запинаясь. Прочищаю горло, чувствуя, как голос становится хриплым и звучит на октаву ниже обычного. — Искал... запасные полотенца. Очевидно... ошибся дверью.

Оправдание звучит до нелепого жалко, и я мысленно проклиная себя за эту заминку.

Эйприл медленно разворачивается ко мне лицом. Теперь нас ничто не разделяет. Она скрещивает руки под грудью, отчего ложбинка становится ещё выразительнее, и чуть склоняет голову набок, откровенно наслаждаясь моим смущением.

— Очевидно, — эхом отзывается она.

Её взгляд скользит по моему лицу, отмечая и сбитое дыхание, и то, как я старательно заставляю себя смотреть ей только в глаза. Уголок её губ дрогает в победной, многозначительной усмешке.

— В следующий раз, Эдриан, если захочешь изучить планировку... или что-то ещё, — она делает микроскопиче-

скую, провокационную паузу, — просто попроси. Я проведу тебе экскурсию.

— Эмм... Да... Конечно. Прости, — сбивчиво бормочу я.

Вывалившись в коридор, я торопливо захлопываю за собой дверь.

Твою мать, Эдриан. Позорище.

Я с силой тру лицо руками, пытаюсь унять пульс, и медленно бреду в сторону гостиной. Коул бы на моём месте отпустил сальную шуточку и вывернул бы всё так, что она сама осталась бы смущённой. А я просто сбежал, заикаясь, как нашкодивший школьник.

Но стоит мне сделать пару шагов, как смущение начинает медленно отступать. Пульс выравнивается, а на смену стыду приходит холодная логика. Я опускаюсь на диван, гляжу в тёмный потолок и прокручиваю в голове последние события.

То, как Эйприл спокойно смотрела на меня через зеркало. Люди, конечно, разные, и не все склонны к панике, но её реакция была... удивительно уверенной. Я ожидал инстинктивных попыток прикрыться или даже испуганного вскрика. Но то, как она смотрела на меня, говорит о другом: она полностью управляет ситуацией. Она здесь главная, а я лишь незванный гость, случайно вторгшийся в её пространство.

В общем-то, она права, и мне в следующий раз нужно быть куда осторожнее.

Но есть ещё одна деталь. То, как она стирала консилер с шеи.

Она прячет татуировку. Почему? Из-за строгого дресс-кода в сфере элитной недвижимости? Вполне вероятно. Многие так делают, чтобы не отпугивать консервативных клиентов.

Но почему-то мне кажется, что дело не только в этом. Нутром чую, что тут кроется что-то ещё. И я это выясню.

С этой мыслью я поднимаюсь к себе, чтобы урвать хотя бы пару часов беспокойного сна.

Утро наступает слишком быстро. Солнечный свет рьяно бьёт сквозь жалюзи, когда я наконец заставляю себя разлепить глаза. Тело гудит от недосыпа, но мозг уже включается в привычный режим работы.

Первым делом я сажусь за ноутбук. Эта рутина всегда помогает мне успокоиться: я проверяю скрытые камеры по периметру дома (всё чисто), пробегаюсь по полицейским базам данных, мониторию форумы в даркнете на предмет любых упоминаний нас или активности Ордена в этом районе. Глухо. С одной стороны, это радует, с другой — заставляет нервничать ещё больше. Тишина перед бурей — худшее из состояний.

Ближе к одиннадцати звонит телефон. Коул.

— Да? — хрипло отвечаю я, протирая уставшие глаза.

— Доброе утро, лапуля, — бодро раздаётся на том конце. На фоне играет какой-то дребезжащий музыкальный автомат и стучат бильярдные шары. — Я на другом конце города. Проверяю одну зацепку у старых знакомых, пытаюсь понять,

не было ли чужаков на нашей территории. Как там наша идеальная домовладелица? Ещё не выгнала тебя за занудство?

Я вспоминаю утренний инцидент, и уши предательски теплеют.

— Всё нормально, — сухо отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сосредоточься на деле, Коул, ладно? Если Орден нас выследит, нам будет не до шуток.

— Расслабься, братишка, я всё держу под контролем. Буду к вечеру. Постарайся быть хорошим мальчиком, пока меня нет.

Он отключается прежде, чем я успеваю сказать что-то в ответ. Я только тяжело вздыхаю и бросаю телефон на кровать.

Я провожу за экраном ещё несколько часов: выстраиваю алгоритмы безопасности, чищу наши цифровые следы, проверяю старые контакты. К двум часам дня буквы на экране начинают расплываться, а глаза невыносимо саднит. Желудок жалобно урчит, напоминая, что последний раз я нормально ел... кажется, в прошлой жизни.

Захлопнув крышку ноутбука, я потягиваюсь до хруста в позвоночнике и решаю спуститься вниз в поисках кофе.

На первом этаже светло и тихо. Я направляюсь на кухню и неожиданно застаю там Эйприл. Она ведёт себя как ни в чём не бывало, словно утреннего инцидента вообще не существовало. На ней свободные домашние штаны и безразмерная светлая футболка.

Она стоит у мраморного острова и методично нарезает зелень.

— О, привет, Эдриан, — легко бросает она, не отрываясь от своего занятия.

— Привет, Эйприл, — я подхожу ближе, стараясь звучать максимально непринуждённо. — Готовишь смузи?

— Да. Ну, знаешь, витамины, клетчатка, польза для здоровья, — она смахивает нарезанный шпинат в стеклянную чашу блендера. — Сделать тебе тоже?

— Ой, да нет, не стоит, — быстро отвечаю я из вежливости.

По правде говоря, смузи я люблю. Пока Коул закидывается фастфудом и подозрительными бургерами, я всегда стараюсь следить за питанием. Но мне совершенно не хочется, чтобы малознакомая девушка знала о моих привычках. Это делает меня... уязвимым.

— Да ладно тебе, Эдриан. Тебе-то точно не помешают витамины, — Эйприл достаёт зелёное яблоко и принимается быстро его резать. — Сидишь целыми днями за своим ноутбуком. Вон, какие синяки под глазами.

Она забрасывает кусочки яблока к шпинату и тянется за кувшином с водой.

— Нужно хорошо питаться, иначе ты так долго не протянешь, — добавляет она тоном заботливой сестры, делая новую порцию.

Она устанавливает чашу на базу. И ровно в тот момент,

когда она нажимает на кнопку и кухню наполняет громкий, жужжащий рёв мотора, она негромко произносит:

— А мне ты нужен живым.

Я замираю. Рука, потянувшаяся к кофейнику, останавливается в воздухе.

— Что? — громко переспрашиваю я, пытаюсь перекрыть шум блендера.

Через несколько секунд она выключает мотор. Резкая тишина бьёт по ушам. Эйприл поворачивается ко мне, чуть нахмурившись, и смотрит с абсолютно искренним непониманием.

— Что?

— Прости, я... не расслышал, что ты сказала последнее, — я внимательно вглядываюсь в её лицо, ища хоть намёк на усмешку.

Она легко пожимает плечами, снимая чашу с базы.

— Я сказала, тебе нужны силы.

Я медленно моргаю.

— А... да. Наверное, ты права, — неловко бормочу я, чувствуя себя глупо. Показалось.

— Конечно, я права, — она разливает густой зелёный напиток по двум высоким стаканам и решительно пододвигает один ко мне. — Пей. И это не обсуждается.

Сказав это, она берёт свой стакан, делает большой глоток и довольно зажмуривается.

— М-м-м, обожаю, — тянет она, слизывая зелёную каплю

с верхней губы.

Я невольно ухмыляюсь, обхватив прохладный стакан пальцами. В этой безразмерной футболке, с растрёпанными волосами и стаканом перебитого шпината она выглядит удивительно... милой. Сейчас в ней нет ни капли от той холодной, собранной и почти пугающе уверенной в себе девушки, которую я застал утром в её спальне.

Я делаю глоток. И правда, чертовски вкусно.

— Если захочешь ещё — не стесняйся, кухня в твоём полном распоряжении, — говорит она, опираясь бедром о столешницу. — Можешь пользоваться блендером, плитой, чем угодно. У меня только одно правило: продукты нужно вовремя пополнять.

Она вдруг делает предельно серьёзное лицо и слегка наклоняется ко мне, понизив голос:

— Потому что, если я приду домой после тяжёлой встречи с каким-нибудь невыносимым клиентом, а дома не окажется еды... ко мне не подходи. Серьёзно, Эдриан. В гневе меня лучше не видеть.

Она лукаво подмигивает, и на её губах снова играет лёгкая улыбка.

Я тихо смеюсь, окончательно расслабляясь. Моя паранойя, державшая меня в напряжении всё утро, растворяется без остатка. В этот момент угроза Ордена, наши частые переезды и моя вечная подозрительность кажутся чем-то далёким и несущественным.

— Понял. Записал, — я поднимаю свободную руку в примирительном жесте. — Клянусь стратегическим запасом яблок и шпината: этот дом никогда не останется без еды.

Эйприл довольно кивает, салютуя мне своим стаканом.

— Ловлю на слове. Чем планируешь заняться сегодня? Опять будешь гипнотизировать монитор до красных глаз?

Я смотрю на свой недопитый смузи, потом на неё. Тёплый дневной свет из окна падает на её лицо, и мне вдруг приходит в голову мысль, которая ещё вчера показалась бы мне полным безумием.

— Вообще-то, — медленно начинаю я, подбирая слова, — я думал о том, что мне не помешало бы немного... размяться. Как ты смотришь на совместные пробежки?

На миг она замирает. Стакан в её руке дрогает, а улыбка исчезает, словно кто-то внезапно нажал на паузу. В её глазах мелькает что-то сложное, напряжённое, пока она анализирует мои слова.

Вдруг она, будто выйдя из ступора, моргает.

— Вообще, я бегаю одна. Это моё время побыть наедине со своими мыслями, понимаешь? — она ставит стакан и опирается обеими руками о мраморную столешницу, словно выстраивая между нами барьер.

— О, да, понимаю, конечно, — киваю я. — Я просто решил, что это отличная возможность узнать друг друга лучше, раз уж мы тут живём вместе временно.

И я правда так думаю. Мне нужно узнать её лучше. Но не

только поэтому. Я нутром чувствую, что что-то тут не так просто, как кажется... Какая-то Эйприл неправильная. Часто люди, сами того не замечая, выдают себя в непринуждённых разговорах. Моё недоверие никуда не делось — наоборот, оно требует пищи.

Эйприл напрягается. Её взгляд скользит по столешнице, избегая моего, губы плотно сжимаются. Кажется, внутри неё идёт какая-то ожесточённая борьба. Наконец она вскидывает подбородок, смотрит мне прямо в глаза и говорит своим «любимым» строгим голосом:

— Я быстро бегаю, Эдриан. И ждать тебя не буду. Так что поблажек не жди.

Я ухмыляюсь, принимая вызов.

— Пусть я и не бегал некоторое время, но всё же в школе у меня были отличные результаты по бегу. Так что можешь не переживать на этот счёт.

Слово «школа» повисает в воздухе, и я готов поклясться, что лицо Эйприл неуловимо меняется. На какую-то долю секунды маска строгой уверенности трескается, обнажая... то ли глубокую грусть, то ли щемящую тоску. Я не успеваю понять.

Она тут же берёт себя в руки, словно захлопнув невидимую дверь, и холодно чеканит:

— Ну хорошо, Эдриан. Но я тебя предупредила. Пять утра, полтора часа бега. Без права на отдых.

— Договорились, Эйприл.

Я делаю шаг вперёд и протягиваю ей руку, чтобы закрепить нашу сделку. Но вместо того, чтобы ответить на жест, Эйприл резко отворачивается, включает воду и начинает торопливо, почти ожесточённо споласкивать чашу от блендера.

Моя рука нелепо повисает в воздухе. Я медленно опускаю её.

— У меня дела до конца дня, — бросает она через плечо, перекрикивая шум воды. — Так что, скорее всего, увидимся уже утром.

Её голос звучит ровно, но в позе чувствуется какая-то неестественная скованность.

— Да, конечно, — тихо отвечаю я, отступая на шаг. — Эм... не буду тогда мешать.

И действительно, до конца дня я её больше не вижу. Она будто испаряется в стенах этого огромного дома.

Глава 8. Эдриан

Встречаемся мы только рано утром. В без пяти пять я спускаюсь в холл первого этажа, завязывая шнурки на ходу, и вижу, что Эйприл уже ждёт меня, полностью готовая к пробежке.

— Привет, — говорю я, едва подавляя зевок. Голос спроне́ня звучит немного хрипло.

— Привет, — отвечает Эйприл на удивление бодрым и звонким голосом.

Я ухмыляюсь, выпрямляясь. Она совершенно не похожа на человека, который недавно проснулся. Никакой заспанности, ни капли утренней вялости. Откуда в ней столько энергии?

— И в чём твой секрет? — спрашиваю я с лёгкой улыбкой.

Она вдруг чуть прищуривается. В её взгляде на долю секунды мелькает явная настороженность, и она с осторожностью переспрашивает:

— Секрет?

— Да, — просто отвечаю я, не придав значения её реакции. — Такое раннее время, а ты выглядишь так, будто уже готова пробежать марафон.

Напряжение мгновенно сходит с её лица, уступая место привычной лёгкости.

— Ну, всё дело в правильном зелёном смузи, — подмиг-

нув, отвечает она и тянется к дверной ручке. — Пошли. Время идёт, а я люблю точность.

Мы выходим из дома, вдыхая свежесть ещё спящего города, и направляемся в сторону парка.

Воздух над рекой Чарльз по-утреннему ледяной и влажный. Лёгкий туман ещё цепляется за воду, когда мы выбегаем на Эспланаду — длинный живописный парк вдоль берега.

Эйприл не шутила: она задаёт высокий темп с первой же минуты. Мы бежим плечом к плечу, и единственный звук между нами — ритмичный стук кроссовок по асфальту и глубокое, ровное дыхание.

Глядя вперёд, на проступающие сквозь дымку силуэты бостонских мостов, я вдруг ловлю себя на мысли о том, насколько сюрреалистична эта ситуация. Мы с Коулом в бегах. Каждую секунду ждём удара в спину от могущественного тайного Ордена. И при этом прямо сейчас я совершаю утреннюю пробежку с девушкой, которую знаю пару дней.

Я невольно ухмыляюсь своим мыслям, качнув головой.

Эйприл, не сбавляя темпа, скашивает на меня глаза.

— Что такое? — ровно спрашивает она. Дыхание у неё даже не сбилось.

— Да так, — я пожимаю плечами, перестраиваясь на бег чуть ближе к воде. — Просто подумал... Сначала ты бегаешь со мной в пять утра, потом, наверняка, пойдёшь спарринговать с Коулом. А ведь ещё пару дней назад мы знать друг друга не знали. Интересно получается, не находишь?

Я не вкладываю в это никакого обвинения или подозрения — просто наблюдение вслух.

Эйприл смотрит прямо перед собой. На её лице мелькает лёгкая, почти философская полуулыбка.

— Жизнь — вообще странная штука, Эдриан, — тихо, но чётко произносит она сквозь шум ветра. — Никогда не знаешь, какие сюрпризы она преподнесёт и с кем в итоге пересекутся твои пути.

Смысл её слов кажется мне чуть глубже, чем просто фраза из мотивационного паблика, но я не заикливаюсь на этом.

— Это так, — соглашаюсь я. — Но тыпустила нас в свой дом, хотя совсем нас не знаешь. Как и мы тебя. Ты даже ни разу не спросила, чем мы вообще занимаемся.

Эйприл хмыкает.

— А зачем спрашивать? Я и так вижу, что вы явно не менеджеры среднего звена, — она легко перепрыгивает через небольшую ветку на дорожке. — Вы скрытные. Осторожные. Слишком наблюдательные для обычных парней. Но при этом... вы не похожи на плохих людей, Эдриан. Я вижу, как вы с братом относитесь друг к другу. Вы защищаете своё, и вы не причините вреда тем, кто не желает зла вам. Для меня этого пока достаточно.

Она замолкает на пару секунд, давая мне переварить сказанное. Её оценка пугающе точна.

— К тому же, — добавляет она, повернув ко мне голову, и её взгляд становится пронзительно серьёзным. — Если бы

я спросила прямо сейчас, вы бы всё равно не сказали мне правду. Ты сам только что заметил — мы мало друг друга знаем. А слушать заготовленную ложь или сказки про фриланс я не хочу.

— Значит, тебе неинтересно? — прищуриваюсь я.

— Интересно ли мне? Очень, — честно отвечает Эйприл. — Но я надеюсь, что однажды вы сами всё расскажете. Когда посчитаете нужным. Если, конечно, захотите.

В её голосе нет давления. Только спокойное предложение. Намёк.

Я ничего не отвечаю, лишь слегка киваю, принимая её позицию. Мы продолжаем бежать в тишине. Мне кажется, что между нами начинает зарождаться доверие, поэтому, почувствовав эту хрупкую связь, я решаю рискнуть и сделать ответный шаг.

— А что насчёт тебя? — спрашиваю я чуть громче, перекрывая шум ветра от реки. — Ты так легко читаешь нас, но сама остаёшься закрытой книгой. Откуда такие навыки психоанализа у успешного риелтора?

Как только эти слова слетают с моих губ, я замечаю, как меняется её пластика. Её плечи напрягаются, а челюсть упрямо сжимается. Иллюзия непринуждённой утренней пробежки рушится в одно мгновение. Эйприл не смотрит на меня, её взгляд устремлён куда-то сквозь утреннюю дымку.

Она молчит несколько секунд, и я уже думаю, что перешёл

черту.

Наконец она бросает на меня короткий, совершенно нечитаемый взгляд.

— Извини, Эдриан, — её голос звучит сухо и отстранённо. Куда-то исчезла та девушка, которая только что рассуждала о сюрпризах жизни. — Но я говорила, что поблажек не дам. Разговоры сбивают дыхание. Так что... догоняй.

Не успеваю я и рта раскрыть, как она резко прибавляет темп. И это не просто ускорение — она рвёт вперёд, как профессиональный спринтер.

Я пытаюсь поднажать, чтобы сократить разрыв, но быстро понимаю, что мои школьные заслуги тут не работают. Её выносливость поразительна.

Расстояние между нами стремительно растёт. Я смотрю, как её фигура становится всё меньше, пока она не заворачивает за густые деревья на изгибе дорожки.

Спустя минуту я окончательно теряю её из виду в утреннем тумане. Я остаюсь один на один с ритмичным стуком собственных кроссовок и очередным десятком вопросов об Эйприл, на которые у меня нет ответов.

Остаток пути я бегу в полном одиночестве. Лёгкие горят, икры сводит от непривычной нагрузки, но больше всего уязвлено моё эго. Я, человек, который просчитывает каждую мелочь и контролирует всё вокруг, умудрился потерять из виду девчонку в пустом утреннем парке.

Я возвращаюсь к таунхаусу спустя минут сорок. Солнце уже начинает заливать кирпичные фасады бледным светом.

Остановившись у чёрной лакированной двери с номером «47», я упираюсь руками в колени, пытаюсь выровнять дыхание. В висках стучит кровь. Выпрямившись, я лезу в карман спортивных штанов за коротким ключом. Металл звякает, когда я вставляю его в замочную скважину.

И тут воздух за моей спиной будто меняется.

— Знаешь, в чём твоя главная ошибка, Эдриан? — раздаётся её голос прямо у меня над плечом, низкий и спокойный. — Ты тратишь так много сил на то, чтобы сканировать горизонт, что совершенно не замечаешь, кто находится прямо у тебя за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.